
ПО ТУ СТОРОНУ
РЕАЛЬНОСТИ
ТОМ 3
СБОРНИК МИСТИКИ
И ФАНТАСТИКИ

Антология
По ту сторону реальности. Сборник мистики и фантастики. Том 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12536006
По ту сторону реальности. Том 3. Сборник мистики и фантастики.:
Союз писателей; Новокузнецк; 2013
ISBN 978-5-906184-61-0

Аннотация

Каждому человеку интересно ощутить себя за гранью этого мира, и мы предлагаем вам открыть портал в мир, который создавали для вас более тридцати авторов. Добро пожаловать за грань вашего сознания, в мир, наполненный мистическим духом и фантастическими технологиями. Позвольте своему разуму окунуться в атмосферу, далекую от привычной. Пусть каждая страница этого сборника впитает в себя ваши эмоции и переживания. И поверьте, читая этот сборник, вы сможете ощутить себя «по ту сторону реальности».

Содержание

Максим Апостол 5
Человечный мир 5
Кристиана Берестова 30
Принц 30
Марина Болгова 49
Отчёт Дьявола перед Богом 49
Костик и его войско 52
Наталия Бочкарёва 61
По мотивам японского аниме «Эрго Прокси» 61
Сбежавшие от себя 61
Странник пустошей 63
Real 66
Бог из машины 66
Алексей Весин 69
Телефон 69
Вика Викина 80
Гиблые земли 80
Утопленница 81
Карусельщик 83
Прощай, мой светлый эльф 85
Безмолвие 87
Луна 88
Оксана Гринберга 90

Близкий контакт 90
Ольга Грэйс 113
Джели 113
Путь Марии Магдалины 136
Конец ознакомительного фрагмента. 147

По ту сторону реальности Сборник мистики и фантастики. Том 3

Максим Апостол

г. Новокузнецк, Кемеровская обл.

Человечный мир

Истинный человек лишь тот, кто внутренне является таковым.

Я шёл быстрым темпом по улице, особо не замечая, что за лица мелькают вокруг меня. Я думал о том, что я набрал много кредитов и ссуд, за которые нужно расплачиваться, а денег, несмотря на стабильную заработную плату менеджера, с каждым месяцем не хватало всё больше. Тут мне на глаза попался просящий милостыню дед. Выглядел он очень жалко, но рука моя в карман за бренчащими у меня там монетами не полезла.

«Мне и так платить скоро нечем за кредиты будет, а ещё

милостыню подавать буду, – подумал я. – А кто меня пожалеет? И так вон до сих пор один, хотя скоро уже тридцать», – рассуждал я. С такими мыслями я не заметил, как автобус подошёл к остановке, куда я только прибыл. Я быстро сел в автобус, но тот не собирался трогаться, так как это была его конечная остановка, где он обычно стоит минут десять. Сев в автобус, я заметил, насколько ясная и тёплая погода стояла в начале осени. Деревья только начали менять свой наряд на золотисто-багряные цвета. Улица была шумной: множество машин, народа у остановок и на тротуарах. Большинство из них торопились на работу и учёбу.

Вдруг среди этой суеты меня привлекли крики девушки, которые были отчётливо слышны из-за открытой входной двери автобуса. Всё внимание сидящих в транспорте, как я успел заметить, перекинулось на эти крики. Молодая девушка в сопровождении другой, крича и плача, бежала за каким-то подозрительным парнем с наглой ухмылкой на лице. Она кричала, повторяя: «Отдай кольцо!». А тот, лишь оглядываясь на неё и жестоко улыбаясь, направлялся к автомобильной дороге.

Вторая девушка вместе с плачущей начали обращаться к людям, говоря: «Помогите, пожалуйста, он отнял кольцо!». Но все отворачивались: кто с недовольным, кто с сожалеющим, кто с неумолимым лицом. Одна лишь женщина негромко посоветовала вызвать милицию. Остальной народ молчал, а от этого, видимо, лицо похитителя расплывалось

всё в более довольной улыбке. Когда преследуемый девушками скрылся из видимости, я хорошо увидел, как девушки подошли к здоровому, казалось, не пробиваемому ничем, мужчине и попросили помощи. Тот, лишь отведя взгляд в сторону, будто не к нему обращаются, молча сунул в карманы руки. Тут женщина из автобуса почти громким голосом спросила незнамо у кого: «Неужели никто бедной девушке помочь не может?»

Я видел удручённый, усталый и слабый взгляд девушки, оглядывающий толпу ждущих автобус, проходящих мимо на улице; тут он секундно перекинулся в сторону автобуса и поймал мой, но я также холодно отвернулся. Автобус тронулся с места. Я хотел было подумать о другом, но такое зрелище и разговоры обсуждающих в автобусе эту тему заставили меня задуматься о том, чем я бы смог помочь…

«Мне торопиться на работу надо, и вообще это не моё дело, а милиции, – думал я. – Да и влезь я, вдруг бы по морде получил, ещё бы в больницу попал с какой травмой. Да и что бы мне за такую помощь, где опасность велика, дали бы? Спасибо максимум сказали, и всё, а безвозмездность деяний в наши дни бесполезна – каждый за себя. Даже бугай и тот отвернулся, а я что, атлет какой? А ввязался бы в драку, тут милиция в нужный самый момент – в итоге и меня заметут в камеру вместе с ним – вот тебе помощь и выйдет боком. Причём ещё каким! Нет, определённо мне не нужно было лезть, и вообще, как она умудрилась кольцо ему отдать? Мо-

жет, парень её – поругались, он кольцо забрал, а мне лезть к ним? Нет. Да в любом случае сама виновата, тем более, вдвоём они как глупо попались на его удочку. Или сама отдала… да какое мне уже дело!»

С этими мыслями я не заметил, как доехал до своей остановки. Вылезая, слышал, как отдельные люди до сих пор обсуждали увиденное. Несмотря на их лица, я вылетел из автобуса, не желая больше забивать свою голову с утра ненужными, как казалось, мыслями. Пройдя немного в сторону здания, где работаю, я ещё подумал, что не осталось, скорее всего, более людей, готовых бескорыстно помочь. Идя до работы (до которой мне ещё было минут десять ходьбы), я успокоился, переходя на мысли привычного мне менеджера.

Я взглянул на часы мобильного телефона и заметил, что стоило бы поторопиться. Решил срезать путь, свернув во дворы. Вроде было всё как обычно, когда я чуть опаздывал и сворачивал сюда. Те же выцветше-жёлтые пятиэтажные дома, тот же серый невзрачный асфальт, избитый машинами, те же частично разрушенные кем-то домики, небольшие в золотистом наряде берёзки, бледные деревянные качели, раскачивающиеся слегка на ветру и издающие весьма неприятный скрип. С одной стороны, было всё обычно, но с другой, какое-то странное, неспокойное чувство настигало меня. Вдруг я почувствовал разницу: ветер слегка шумел, раскачивая деревья и качели, но вокруг не было ни души – ни людей, ни едущих машин, ни птиц, ни собак, ни даже на-

секомых, которых я хотел найти под ногами или в воздухе. Все куда-то странно исчезли. «Все разом впасть в спячку в такую тёплую осеннюю погоду явно не могли», – успокаивал я себя.

Я заторопился… заторопился жить. Сердце стало биться чаще. Ещё немного прислушавшись, я понял, что и едущих машин за дворами не слышно, хотя за этим двором проходит широкий проспект, где в такое время суток всегда шумят автомобили. Неожиданно звук совсем пропал, будто я окончательно оглох, хотя слышал лишь соприкосновение своих туфель с тротуаром и учащённое сердцебиение. Тогда я остановился, оглянулся вокруг: заметил, что ни деревья, ни качели больше «не двигаются». Тогда меня совсем взял страх. Я взглянул на небо и увидел, что на небе ни облачка, но Солнца во дворе мне было не видно. Вдруг в глазах помутилось: небо приобрело серые тона, я почувствовал слабость и недомогание. Я хотел было понять, что происходит, но сиюминутно отключился, когда глаза вдруг машинально решили закрыться, дав полному мраку поглотить меня в чёрной бездне неведения.

Я очнулся, и яркий свет ослепил мне глаза. Я почувствовал, что лежу на чём-то твёрдом и шершавом. Я понял, что это асфальт. Я сразу решил приподняться, чтоб узнать моё состояние: все ли части тела работали так же хорошо, как до потери сознания? Я немного приподнялся, но не чувствовал тела, и глаза всё никак не мог открыть из-за слепящего све-

та. Всё это меня напугало. Но больший ужас меня обуял, когда я понял, что не чувствую сердцебиения и даже дышать не хотелось.

«Чёрт, неужели я в аду?! – думал я. – Нет, разве свет в аду есть? Свет должен быть в раю. Хотя ведь при жизни я ж был атеист, зачем мне отказываться от своих… стоп! Почему при жизни? Бред! Я же жив должен быть! Я ж чувствую, что лежу, и свет слепит глаза – видимо, Солнце светит, облаков же не было». Я рассуждал об этом, сидя на твёрдой поверхности и пытаясь привыкнуть к свету.

«Так, надо успокоиться, – продолжал я, – взять себя в руки и звать, – тут я уже вслух прокричал, – на помощь!». Мне казалось, что крикнул я довольно громко, но эха я не слышал. Теперь я будто совсем окаменел. Я не мог уразуметь то, что происходит со мной, и начал бормотать вслух всякую чушь. Говорил сам с собой, при этом повышая голос с каждыми бредовыми словами.

Сколько времени прошло, не знаю, но глаза мои наконец начали различать силуэты двора. Вот я вижу еле различимые, расплывчатые берёзки, качели, дома; постепенно даже окна начали виднеться в моих глазах. Посидев ещё немного и глядя вокруг, я стал уже хорошо различать объекты. Постепенно зрение вернулось полностью, мало того, и листья залетали, даже какие-то мухи зажужжали рядом, тот же лёгкий ветер, тихо шумя, качал деревья и зелёную ещё в тёплом сентябре траву. Стали слышны вдобавок и механизмы,

созданные руками человека: гул двигателей, скрежет шин на асфальте, громкие короткие обмены сигналами.

Я стал наконец вставать, всё так же не чувствуя тела и даже тёплого осеннего ветерка. Повернувшись на триста шестьдесят градусов, я вдруг решил посмотреть себе под ноги.

«О Господи! – громко прокричал я. – О Господи!» – уже еле выдыхаемыми словами я повторился. Я словно остолбенел, затем схватился за голову. Моим чувствам ужаса и страха не было конца. Я никак больше не мог оценивать ситуацию адекватно, так как перед моими ногами в луже крови вокруг головы лежал… я! Собственной персоной!

Мне было не до шуток и смеха на тот момент, но вдруг захотелось смеяться. Я улыбнулся во всё лицо и начал истошно ржать. Будь я проходящим мимо человеком, решил бы, что это психопат. Немного успокоившись от истеричного смеха, я стал вглядываться в лежащего себя. Моё тело выглядело очень бледным и лежало в крови. Будь это не моё тело, я бы твёрдо сказал, что это труп, но так как это было моё тело, пытался понять, как себя реанимировать.

Делать себе искусственное дыхание и даже прикасаться к моему телу-близнецу я боялся. Боялся неизвестности того, что может плохого или хорошего произойти. Знай я точно, что закончится прикосновение чем-то хорошим, тотчас бы дотронулся. Но я не знал, что произойдёт, был в растерянности. Мне было жаль себя: «я так молод ещё, я не могу уме-

реть!». Я опять начал кричать о помощи, но людей рядом не появлялось, даже в окнах домов их не было видно. Я хотел было пойти искать людей, но боялся оставлять себя на тротуаре: «Вдруг кто подойдёт ко мне без меня, или животные вдруг подойдут к моему телу».

Я отошёл немного от себя и сел на бордюр тротуара. Я сидел и рассуждал: «Надо же что-то делать, не могу же я оставаться так тут в двойном экземпляре. И, кстати… я так долго привыкал к свету, будто заново родился. Дети новорождённые тоже не сразу хорошо видят, и вообще они впервые белый свет видят. Что же это? Я новорождённый, что ли? Да уж, Тимур, с днём рождения. Если всё закончится благополучно, то я такой пир закачу, и наплевать на все мои долги!». Я улыбнулся и вдруг заметил на балконе третьего этажа женщину, вешавшую выстиранную одежду. Я резко вскочил и стал громко кричать о помощи, при этом махая интенсивно руками. Она не замечала меня. Я уже начал подпрыгивать и вдруг ощутил неведомую лёгкость, благодаря которой я опускался наземь как пушинка. Я был снова потрясён творящимся со мной секунд на десять, но потом вновь, придя в себя, стал звать женщину.

Все старания оказались безрезультатными. Вывесив, видимо, всю одежду, она скрылась в своей квартире. Я был обескуражен: «Я и невидим, что ли?». Задав себе этот вопрос, я захотел посмотреть на себя. Стал искать отражающую поверхность. Благо недалеко от лежавшего меня распо-

лагалась небольшая лужа, в которой отчётливо отражались голубое чистое небо и яркое золотистое Солнце. Я ринулся было к ней, но, не доходя пару шагов, остановился, дабы успокоить себя перед возможными грядущими ужасами, которые предстоит мне ещё испытать. Набравшись смелости, я подошёл к ней.

Лужа, несмотря на всю скопленную в ней грязь, имела хорошую отражающую поверхность. Да, в ней я себя увидел, но какого! Мало того, что я был бледен как смерть, так сквозь себя я ещё видел окна домов! Я был прозрачен!

«О Господи! Что за напасть такая! Я всё-таки жив или мёртв?! – негодовало моё сознание. – Где я, чёрт побери?! Почему я прозрачен?!» – спрашивал я, глядя на небо и ожидая ответа хоть откуда-то. Ненадолго я замолчал, вглядываясь пустыми глазами в прозрачного себя. Я ждал ответа на свой вопрос, но его не последовало.

«Интересно, и что же мне делать?» – недоумевал я. Поглядел на себя в луже и на себя в реальности, и до меня только сейчас дошло, что я не замечал всё это время прозрачности рук и ног.

«Может, от болевого шока? – подумал я вслух. – Однако, подождите, тела же я не чувствую… но разве это я? Может, это сон, и я в коме? – как бы одновременно спрашивая и отвечая этими вопросами, успокаивал я себя. – Всё, беру отпуск!» – утвердил я, улыбаясь, пытаясь не понимать всю катастрофичность необыкновенной ситуации. Немного похо-

див вокруг да около своего трупа, если можно его было так назвать на тот момент, я решил снова звать на помощь. Будучи прозрачным, это делать оказалось ещё труднее. Я начал глупо, по-детски орать, кричать всякую чушь, бегать по улице, пытаться брать валявшиеся на земле предметы, которые мне так и не удавалось взять в руки. Наконец я увидел проходящего по этой улице прохожего, который отвлечённо думал о чём-то своём.

Я подбежал к нему, хотел схватить за плечи, чтобы тот посмотрел на меня и выслушал, но добился лишь того, что проскочил сквозь него, упав на асфальт. При этом я почувствовал некоторое недомогание во всём своём новом эфирном теле, из-за чего подняться на ноги оказалось не столь легко. Однако, поднявшись, я повернулся с трудом в сторону уходящего прохожего и попробовал громко окликнуть его, но старания оказались тщетными – он не слышал. В итоге незнакомец скрылся из виду, оставив меня в некотором оцепенении. Я всё больше не понимал происходящего сумасшествия.

«Господь Бог наказывает меня за мой атеизм, – дошло до меня. – Неужели всё-таки кто-то есть и теперь мне достаётся по заслугам? Блин, но какой же тогда Бог? Христианский, мусульманский, буддистский? У какого из них просить помощи? Какой-то абсурд получается… но будь я мёртв, – продолжал я рассуждать, – я бы уж был на каком-то свете, а не здесь, на Земле. Или там собакой какой возродился, но я

ж здесь. Хотя если вспомнить одну передачу, – я примкнул указательный палец к губе, – то там говорилось, что души остаются здесь, если у них остаются незаконченные дела! – дошло до меня. – Следовательно, это про меня. У меня полно незаконченного: кредиты, долги, к другу на днюху завтра надо, на работу не дошёл, жениться, наконец, на ком-нибудь хотел… – я ненадолго замолчал. – Чёрт, я о пустом уже говорю. Разве всё это важно по сравнению с самой главной ценностью, дарованной нам природой – жизнью. Хотя найти вторую половину входит в одну из главных составляющих жизни. А теперь труп уже не найдёт никого. Да-с, как же я не ценил жизнь, тратил драгоценное её время на пустые разговоры, на мнимые ценности моей жизни в виде машины, всяких технических новинок и ещё разных безделушек. Стремление быть богаче, удачнее добило, возможно, моё изношенное тело и душу, довело меня до смерти, – расфилософствовался я. – Так может, из-за переутомления как раз меня и настиг какой-нибудь инфаркт? Эх, толку сейчас рассуждать, когда всё упущено. А может, и есть толк?» – опять я спросил утверждающе, но уже не кого-то абстрактного, а самого себя.

Я стоял словно истукан, рассуждая обо всём случившемся и поглядывая то в небо, то на асфальт, по которому, как ни в чём не бывало, бегали муравьи, что-то перетаскивая с одного места на другое. Что в небе, что на поверхности Земли кипела жизнь, а я стоял как неприкаянный, будто уже чуждый этому миру, не понимая, как мне теперь существовать.

Наконец я взял себя в руки и решил дальше искать пути решения выхода из сложившейся сверхнеобычной ситуации. Надежда на лучший исход появилась с появлением пары, шедшей в мою сторону. Мужчина был примерно в моих годах, а девушка, идущая с ним под руку, помоложе – лет 25.

Подойдя уже вплотную к моему лежавшему телу, девушка, широко раскрыв глаза, вскричала и руками ухватилась за свои щёки от увиденного:

– О Господи! Паша, посмотри, что за ужас!

Тот посмотрел в сторону лежавшего меня, сделав вначале испуганное, а затем серьёзное лицо, ответил холодно:

– Так, быстро пошли отсюда!

– Паша, ты что?! – вспылила было она.

– Не видишь, что ли, кровь? – ответил он ей риторическим вопросом. – Сейчас вляпаемся куда-нибудь, заберут в ментовку, ещё пришьют что-нибудь.

– Паша, нельзя ж так, надо хоть Скорую. – было начала она.

– Кому надо, тот вызовет, – перебил он, – а мы пойдём отсюда быстрее. Не будь дурой, надо брать руки в ноги и мотать.

Он схватил её за руку и быстрым шагом, не оглядываясь, повёл за собой. Девушка, озираясь на окровавленного меня, поддалась ему. В её взгляде были видны страх и сострадание, но, по-видимому, ни при мне, ни позже она не позвонила в Скорую.

«Да-с, милая парочка», – подумал я, но уже особо не удивляясь их реакции.

Я взглянул на наручные часы – было уже 3 часа дня. Народ должен был скоро начать приходить с учёбы и работы.

Кстати, перед тем, как я посмотрел на часы, прошла группа из 5 человек-студентов, обсуждавших сегодняшнюю весёлую лекцию. Они проходили метрах в трёх от меня, но даже не заметили.

Мой труп лежал возле бордюра; кровь растеклась яркой красной лужей вокруг моей головы. Часть крови протекла в близлежащую лужу, которая окрасилась в красно-грязные тона. Не заметить такое было странным, но видимо, эмоции, что струили из их молодых голов, затмевали их глаза. День был тёплый, и кровь моя, не попавшая в лужу, немного спеклась. Однако тепла этого я не ощущал, так как был непонятно в каком состоянии вещества.

Ещё минут через 10 повалил небольшими партиями народ. Что ещё, как я позже заметил, было удивительно: детей сегодня, в такой ясный, тёплый, осенний день, во дворе на площадке не было! «Проклятое стечение обстоятельств!» –

заметил я в тот момент.

Не помню точно, но человек пять поочерёдно неподалёку от моего трупа проходили. Лишь один из них увидел моё тело и, пробормотав что-то на каком-то, подобном китайскому, языке, побежал, выронив из рук и вскорости подобрав телефон. Я лишь улыбнулся ему вслед. А что мне оставалось делать ещё? Я ведь не знал, как действовать дальше.

Отвернувшись от своего тела, я неожиданно услышал хриплый громкий вздох, от которого меня резко потянуло в сторону тела, а в глазах помутилось, в прозрачном теле ощущалась слабость. Оказавшись рядом со своим двойником, лежавшим в крови, я слышал, как тот продолжал хрипло дышать. Мне стало немного лучше на душе от этого дыханья – появилась надежда.

Моё, так скажем, астральное тело всё равно пока было слабо, когда я заметил относительно молодую мать с дочкой-школьницей. Мама девочки о чём-то болтала по телефону, держа дочь за руку, а та, в свою очередь, увидела то, что лежало по другую сторону детской площадки. Издалека я смог увидеть, как глаза её заметно увеличились в размере, поскольку до этого она щурилась от солнца. Девочка шла словно заворожённая, но сказать об увиденном матери хоть слово не смогла – очевидно, оказалось велико её психологическое потрясение. Так они и скрылись в одном из подъездов двора.

Я не стал бежать за ними вдогонку, хоть и появилась на-

дежда. Я осознавал, что в моём нынешнем теле это делать бесполезно. Я вновь впал в уныние. К непониманию уже привык, но надежду в глубине души ещё не терял.

«Быть такого не может, что за целые сутки меня никто не обнаружит. Должны же родители побеспокоиться… ох, ёлки, как же воспримут всё это родители? Нет, я не могу видеть их слёзы. И вообще я ещё молод, в конце концов, нельзя мне так рано уходить. Да кто я такой. – усмирял я себя. – Вон детей сколько у нас умирает непонятно из-за чего, а они мир вообще не познали. А многое ли познал я? Я считал мир человечным, а тут… а тут, – продолжал я, – я и сам порой не был человеком.»

Произнеся эти слова, я стал вспоминать все негативные поступки, что совершил за свою жизнь. Мне было горько осознавать, что я поступал так, а не иначе, без злых и эгоистичных умыслов. Я дошёл в воспоминаниях и до сего дня, возможно, последнего для меня. Я перебирал в голове произошедшее утром, как вдруг зазвонила знакомая мелодия на мобильном телефоне.

Это был звонок моего телефона! Я обрадовался и было полез в карман рубашки, но вновь промахнулся, пройдя рукой через грудь насквозь. К сожалению, я даже не мог увидеть, кто звонил.

Как бы это ни показалось странным, метрах в десяти от меня быстро зашагал в мою сторону подозрительно знакомый парень в капюшоне, озирающийся по сторонам. Оказа-

лось, это был утренний вор – тот, что увёл кольцо у девушки. Он подошёл вплотную, склонился надо мной, осмотрел меня, будто доктор, оглядывающий без прикосновений, затем снова оглянулся по сторонам и стал шарить по моим карманам.

Как же я разозлился в тот момент! Попробовал пнуть его, но безуспешно. Тот же с умилением и довольным видом вытащил из моего кармана поначалу гудящий телефон, отключив его, затем добрался до моего бумажника, который он быстро осмотрел и был по виду не очень доволен имевшимися там карточками и купюрами общей суммой в 1000 рублей. Залез он даже в карман, где монетами лежали деньги на проезд. Хотел было снять с меня и куртку, но та оказалась уже замазана кровью. В конце снял и часы, которые были для меня дорогой вещью (мало того, что дорогие, так ещё были со мной 10 лет). Ничем не побрезговал вор. Вдруг его взгляд заметил выходящую на балкон женщину. Тут он моментально встал и быстро зашагал прочь, накинув капюшон на себя больше, что придавало ему большую подозрительность.

Я в бессилии и гнетущем состоянии глядел ему вслед: «Вот, доигрался, этот урод забрал всё, что смог. Лучше б я отдал мелочь деду, или вообще все деньги ему отдал, чем вот так эти деньги достались этому ничтожеству, – немного помолчав, я продолжил: – Лучше б дёрнул меня чёрт помочь той девушке. Пусть бы, может, вляпался, пострадал, но я бы ему вмазал со всей дури ради всех, кто недоволен его дей-

ствиями.

Эх, знал бы я, что всё так окончится, так вообще бы на работу не пошёл. Хотя, может, судьба задумала, что это мой последний день в любом случае…» – на меланхоличной ноте закончил я.

Мои мысли вдруг нарушил отхаркивающий кровью кашель моего лежащего тела, которое я совсем не чувствовал. В конвульсиях моё тело задёргалось, дыхание стало прерывистым, кровь брызгала изо рта, но я так ничего и не ощущал, а лишь наблюдал с надеждой со стороны за своим телом. Это продолжалось примерно в течение минуты. Затем моё тело, пытавшееся бороться до конца, благодаря заложенному в нас инстинкту выживания, бездыханно успокоилось. Больше признаков жизни я в нём не видел, но решил склониться над собой, чтоб услышать, может, еле слышимое дыханье. Склонившись и не услышав звуков дыхания, я вдруг почувствовал, как меня резко оттолкнуло от тела, словно магнит от другого магнита с одинаковым полюсом.

Боли при приземлении не было, но встав и захотев вновь подойти к телу, я почувствовал некий невидимый барьер, похожий на магнитное поле. Этот неосязаемый колпак вокруг моего тела не подпускал меня к нему ни в какую. Я предположил, что последняя связь с моим телом, возможно, потеряна навсегда.

«Но почему я тогда здесь? – задался я вопросом. – Отсылали бы меня уж в рай или ад, или в какой иной мир. Неопре-

делённость ещё больше пугает. К чему ж я здесь? Неожиданная смерть не даёт моей душе уйти без ответа на вопрос: как так вышло, что я умер? А нужно ли отвечать на этот вопрос? И вообще тот ли я вопрос задаю? Не знаю, получается пустая болтовня, я опять прихожу в тупик.» – закончив свои рассуждения, я перестал смотреть на свой труп и опять сел на землю.

Я стал опять листать страницы своей жизни – были и чёрные, и белые, и серые, которые были пусты, считай прожиты зря. И вновь в воспоминаниях я подходил к своему последнему осеннему дню. Я взглянул на небо – оно было чисто, как младенец без грехов. Солнце так же ярко светило, даря земле жизнь. День подходил к вечеру. Я молчал, и только сейчас заметил, насколько изумительно красивым было небо со своим всевидящим золотым оком. Я был зачарован, и все остальные звуки пропали для меня. Я удивлялся тому, что раньше этого естественного природного очарования не замечал. Стало стыдно за себя, за людей, которые мать-природу губят. Ещё стало горько и обидно понимать, что мы, дети природы, перестали любить друг друга, забыли о своём физическом, духовном и даже космическом родстве. Мы забыли… забыли о том, кто такой человек.

Мои раздумья закончились, и тут краем глаза я заметил неприметную девушку. Она шла не спеша, глядя себе под ноги и о чём-то размышляя. Её отвлечённый взгляд и невзрачная внешность не вызвали во мне никакого интереса далее

наблюдать за ней. Я вновь перевёл взгляд на вечернее небо. Я был уверен, что она пройдёт мимо так же, как и все остальные. Как оказалось, я глубоко ошибался…

Глядя на небо, я услышал испуганный женский крик. Я обернулся: та самая девушка, про которую думал, что пройдёт мимо, подбежала к моему телу. Она запричитала:

– О Господи! Что же случилось?!

Она схватила мою руку и стала нащупывать пульс. Видимо, он не прощупывался, и она положила свою руку на грудь моего тела в области сердца.

– О, нет! Пульса нет совсем! Что же делать? – уже почти шёпотом закончила она вопрос.

Я видел, как она побледнела. Я увидел впервые, как человек искренне переживает, причём за того, кого абсолютно не знает.

– О Господи, ну, как же я забыла телефон дома?! – бранила она себя. – Вот дура, именно сегодня, когда нужна срочная помощь. – быстро проговорила девушка.

Её голос был мягким, приятным на слух, когда в нём не промелькивала дрожь. Я заметил, как тело её слегка задрожало, но она взяла себя в руки со словами:

– Ну, с Богом!

Она набрала в грудь побольше воздуха, закрыла рукой мой нос и стала «вдыхать в меня жизнь». После десятой попытки её руки ощутимо затряслись, глаза её светло-изумрудные наполнились печалью, сияющие от вечернего солн-

ца слезинки стали покидать её очи. Но она ни на секунду не теряла надежды, как мне казалось, и пыталась оживить меня. Я видел искренность в её глазах, ни капли корысти. Да и какая могла быть корысть, если она даже и не знает, кто я, кроме того, она первая пыталась мне помочь. Эта помощь была безвозмездной.

Теперь она сжала руки в кулак и стала бить моё тело по груди. Я наблюдал за ней и видел, как она переживала. Переживала так, будто как минимум я являюсь её каким-то очень близким другом. Слёзы интенсивнее сыпались из её глаз. Мне одновременно было жаль её так, как никого другого, и в то же время я был горд за неё, как за истинного человека, как за замечательную девушку, сестру, дочь, внучку. Я был уверен, что она станет несравненной и незаменимой женой, любящей до потери сознания матерью (хотя я не мог сказать с уверенностью, что она не была замужем, но кольца на безымянном пальце у неё не было).

Все звуки слились для меня в один гул – я наблюдал только за ней. Как окаменевший, я был заворожён её человеческим чувством. Она, как редко кто другой, умела сочувствовать и сопереживать. Мало того, она умела и помочь, и ей не важно было, кто перед ней, кому нужна помощь.

«Эх, а ведь при жизни я бы её и не заметил даже. Раньше думал: внешность – вот что должно выделять женщину. А в итоге я открыл для себя душу, но поздно… – я немного склонил голову, не отводя взгляда от своей спасительницы, –

поздно осознал главную ценность. Если б я сейчас ожил, не задумываясь бы предложил ей выйти за меня замуж. Но это глупо, зачем ей эгоист? – задал я себе риторический вопрос. – Но я бы оберегал её, в любом случае, не дал бы в обиду никогда, и не потому, что меня спасти хочет, а именно за её доброе ласковое сердце, – я обратился к ней. – Если б только ты меня слышала. Скажи мне хоть своё имя, милое созданье.»

Моим обращениям к ней настал конец, когда вдруг на мгновенье мне показалось, что она услышала меня и даже посмотрела мне в глаза, прекратив бить меня по груди. Я был зачарован. Никогда я такого тёплого взгляда за всю свою жизнь не видел. За это мгновенье я успел запомнить все черты её лица, вплоть до прыщика. Я чувствовал, что скоро должен уйти, но её добрейшее лицо я хотел запомнить навечно. Те считанные секунды длились для меня настолько долго, что мне уже начинало казаться, будто я давно её знаю. Я был уже практически влюблён в неё. Хотелось лишь только немного пообщаться с ней и узнать хотя бы её имя.

Тут я заметил, что краски яркого вечера сменились на сырые, холодные тона. Закапал дождь. Он не бил громко по асфальту, а будто с природной нежностью тихо падал на землю. Природа будто плакала вместе с незнакомкой. Её слёзы и капли дождя слились воедино и небольшими ручейками текли с её лица.

Я увидел вдруг из ниоткуда собравшуюся толпу, которая

глазела на мой труп и девушку, пытавшуюся мне помочь. Они стояли и бездушно смотрели на это действо. Видимо, такое зрелище завораживало их. А может, они смотрели на всё это как на художественный фильм. Или, может, была чужда их душе эта реальность. А возможно, виртуальная, выдуманная реальность перестала граничить с настоящей в их разуме. Но это всё мои домыслы. К сожалению, я не смог спросить ни у одного из них, по какой причине они стояли истуканами и с некой искрой в глазах любовались происходящим.

Наконец моя спасительница с горечью в голосе попросила равнодушную толпу срочно вызвать Скорую. Один из неё, словно очнувшийся от гипноза, стал вскорости набирать цифры на мобильном. Девушка, уже очень уставшая, пыталась вернуть меня к жизни до самого прибытия Скорой помощи.

Машина Скорой удивительно быстро доехала. Я тут же вспомнил, что по иронии судьбы пункт медицинской помощи находился не так далеко от этого места. Медицинские работники быстро выбежали, попросив мою незнакомку отойти от тела. Один из медиков спросил её:

– Вы видели, что с ним произошло?

– Нет. Когда я его увидела, он уже лежал на земле весь в крови, – ответила она судорожно.

Немного помолчав, парень продолжил расспросы:

– Девушка, а вы кто ему? Вы близкая ему?

– Нет, не близкая. Меня Надеждой зовут… Я хотела всего лишь помочь ему… – с горечью ответила она.

По происшествии минут пяти медики сделали заключение:

– Он мёртв. Уже нельзя помочь было. Уж пару часов примерно как он умер. Девушка, а вы когда увидели его?

– Около получаса назад. Неужели нельзя было его спасти? – с надеждой в голосе спросила она.

– Очутились бы вы здесь на полтора-два часа раньше, то возможно. Похоже, у него инфаркт был. Идите, девушка, домой. Нечего переживать: вы сегодня всё равно никого не потеряли, – ровным голосом посоветовал медик постарше.

– Но как же так?.. – недоумевала она, провожая мой труп, который клали на носилки, своим взглядом.

Более ей никто не ответил. Толпа разошлась. Она стояла и провожала глазами уходящую машину. В её глазах виднелись грусть и непонимание. Она хотела помочь, у неё не вышло, но я ни в коей степени её не виню. Наоборот, я готов целовать ей руки за её добродушие. Я не замечал таких людей, точнее – не хотел знать о них, был сам по себе. Эгоистом и умер. Осознание глупости эгоизма пришло лишь сейчас. Надежда помогла мне увидеть, что в людях ещё осталось человеческое.

Я почувствовал, как меня начало засасывать куда-то, видимое мной постепенно начало исчезать. Последнее, что я запечатлел – это мокнущую под дождём Надежду. Я был го-

тов в последний момент на всё, лишь бы укрыть её в этом мире от холодного дождя.

Кристиана Берестова

г. Озёрск, Челябинская обл.

Принц

Я не смогла бы сейчас точно ответить, когда впервые подумала о нем. Наверно, мне было лет шесть. Мать с отчимом что-то не поделили после совместного распития спиртного и яростно орали друг на друга полночи. Я куталась в одеяло, стараясь не вслушиваться в гневные вопли, и представляла, как было бы славно, если бы в моей жизни появился вдруг сказочный принц. Как в мультике про Золушку.

Там, в мультике, Золушка и Принц кружились в сверкающих воздушных искрах, звучала очень красивая музыка. Там были возможны чудеса. Я хотела, чтобы в моей жизни тоже появилось чудо. Чтобы пока я сплю, возле моего окна в воздухе зависла карета, из которой вышел бы прекрасный принц, прицепил к моей кровати трос и украл меня в свою сказочную страну…

А потом я бы проснулась в просторной прохладной спальне на огромной кровати. На маленьком столике у изголовья стояла бы ваза со свежесрезанными цветами, легкий ветерок играл тонкими газовыми шторками на распахнутых окнах.

Мраморный пол отражал бы лунный свет, и все вокруг, как в сказке, переливалось голубыми тонами ночи и волшебства…

Каждая девочка мечтает стать принцессой, носить головокружительной красоты сверкающие платья с корсетом и на кринолине, а в волосах чтобы поблескивала бриллиантовая диадема. И туфельки. Обязательно должны быть хрустальные туфельки и шлейф переливающихся сказочных духов. Каждая девочка мечтает об этом всю жизнь, независимо от того, как она выглядит в настоящем, и сколько ей лет.

А каждый мальчик в глубине души чувствует себя прекрасным принцем, способным на подвиги и сильные поступки. И каждый мальчик всю жизнь ищет глазами в толпе свою принцессу, свою прекрасную сказку.

А между тем я росла, а принц все не похищал меня. Сверкающая серебром карета не зависала напротив моего окна. Я жила в суровой постсоветской реальности, где принцев нет и не будет. Я не любила свою страну, и мне было за это ни капли не стыдно. Здесь не было сказочных Хэллоуинов с яркими костюмами и красочными декорациями, не было роскошного выпускного бала, как у школьников за границей. Моя мать не заказывала мне красивое платье принцессы на выпускной.

Шло время, мне исполнилось двадцать пять лет, но в моей жизни не происходило ничего хотя бы отдаленно похожего на исполнение моих детских надежд. Я безумно мечтала стать актрисой в театре, но в моем маленьком городке, где

градообразующим предприятием был завод, не было соответствующих учебных заведений. Для того чтобы учиться в другом городе, нужны были деньги, я же не могла заработать больше, чем мне с трудом хватало на существование: скудное питание и дешевую одежду.

Иногда мне снилось, как я брожу по руинам разрушенной церкви, в которой нахожу шкаф с одеждой королевы Екатерины. Я начинала мерить на себя эти старые, пахшие пылью и тленом, но расшитые золотом платья…

Как каждая юная девушка, я мечтала о красивой одежде и тонком дорогом парфюме. Мечтала о том, как я выпархиваю на высоченных шпильках из дорогой машины, на моем плече крошечная сумочка на тонкой золотой цепочке, и платье, вспыхивающее огнями бриллиантов при каждом моем движении. И конечно, мне навстречу спешит высокий синеглазый брюнет, чуть склонившись, предлагает мне держать его под руку, а потом мы, красивые и счастливые, поднимаемся по ступеням, покрытым бархатом, навстречу роскоши и ярким огням.

В реале я не осознавала своей красоты. Мне говорили, что я красивая девушка, но я не понимала этого, глядя на свое отражение в зеркале. Плохая косметика и дешевая одежда способны изуродовать любую красоту. Как каждая девчонка, я мечтала о любви, и иногда со мной рядом оказывались кавалеры, которым повезло быть рядом со мной только потому, что я не знала себе цену и не понимала, насколько я

лучше этих пьющих и курящих простых работяг. Чувствуя свое крепкое положение рядом со мной, так как зарабатывали больше, эти красавцы со временем раскрывали передо мной всю красоту своей рабочей души, и я сбегала.

Я всегда бежала, не оставляя позади себя хрустальных туфелек. У меня не было хрустальных туфелек, да я и не хотела, чтобы они вновь нашли меня по этому элементу одежды, ведь все они были далеко не принцы.

Мне трудно сказать, откуда в глубине моей юной хрупкой груди появилось осознание того, что я не такая, как вся эта пьющая каждую пятницу чернота вокруг. Нет, я не имела ничего против простых работяг, ведь если бы их сознание не было настолько замутнённым алкоголем и настолько примитивным, они не смогли бы каждый день выполнять черное пахалово в цехах моей нелюбимой страны. Кто бы тогда клал асфальт, плавил сталь и чинил унитазы?

Хуже всего было то, что из-за моего небогатого внешнего вида некоторые из этих простых работяг считали меня равной себе, я же не хотела как моя мать: выпивать по выходным и терпеть рядом с собой быдло, лишь бы не остаться одной. У меня не было страха остаться одной. Наедине с самой собой мне было лучше, чем в плохой компании.

Я пробовала курить, но дым в легких мешал мне двигаться быстро, пробовала выпивать, но всегда болела от алкоголя, даже если пила его в очень маленьких дозах. Настоящие принцессы не пьют и не курят. Наверно, поэтому мой разум

не деградировал и продолжал метаться в поисках путей к достижению моих заветных желаний.

Я мечтала иметь двухэтажный дом с мансардой и двумя гаражами, чтобы в нем было место для моей машины и машины моего мужа. О большом газоне вокруг дома, огороженном низеньким белоснежным заборчиком, на котором мой маленький сын будет играть с большой пушистой собакой. Об уютной кухне с клетчатыми занавесками на окнах и соломенных плетеных конфетницах. О просторном холле, где я, беременная моим сыном, буду сидеть на мягком бежевом велюровом диване в сарафане в крупную ромашку на синем фоне, ожидая моего мужа и глядя на океан, который будет видно сквозь стеклянные двери…

И, разумеется, я везде была изгоем. Не может нормальная русская девушка быть такой независимой и стремиться к чему-то большему, чем простая семья с мужем-заводчанином, у которого по меркам города вполне хорошая и стабильная зарплата, квартира в куске железобетона и китайская скатерка в фрукты на кухонном столе.

И, разумеется, я страдала, так как не могла найти себе место в этой всей суровой реальности большой страны, которой искренне плевать на своих граждан…

Но я ждала…

Я ждала, как Ассоль свою яхту с алыми парусами. И в моей жизни даже могло однажды случиться так, что хороший парень, узнав о моей мечте, как Грей, приплыл бы за мной на

алых «Жигулях». Но в моей жизни случилось иначе. Вы замечали, что со странными людьми в жизни случаются странные вещи?

Это случилось в пасмурный осенний вечер. Я очень люблю такие вечера, когда над головой пасмурное хмурое небо, улицы залиты холодным дождем. В мокром асфальте отражаются фонари. Люди в длинных осенних плащах прячутся под большими зонтами, спеша в теплый свет своих квартир.

Я любила гулять под осенним дождем. В моем воображении существовал город Дождливый. В этом моем воображаемом городе были мощеные камнем мостовые, чугунные фонари с гроздьями зарешёченных плафонов. Там всегда было пасмурное небо. Двухэтажные дома, как в старом Питере. И в том своем воображаемом городе я всегда приходила в один и тот же дом, где меня встречала красивая полная женщина. Она усаживала меня у жарко горящего камина, приносила мне горячее молоко и заботилась обо мне так, как в моем понимании должна была заботиться мать, которой у меня никогда не было.

Иногда рассматривая на улицах людей, я анализировала, кого бы я хотела поселить в свой воображаемый город. В моем воображении всех жителей Дождливого объединяли самые важные для меня качества: красота, доброта и любовь. Все, что я не могла получить в жизни: любовь, красоту, заботу и защищенность – все это было в моем воображаемом городе. Я верила, что мой город действительно существует в

каком-нибудь параллельном измерении. И однажды за мной приедет карета, и я отправляюсь по пасмурным облакам к мощеным камнем мостовым, маленьким двухэтажным особнячкам и жарко горящим каминам, в свой тот дом, где мне всегда рады.

В один из особенно тяжелых дней я гуляла по мокрым от дождя улицам. Мои слезы сливались с каплями дождя, и мне казалось, что весь этот дождь плачет моими слезами…

Мне не хотелось возвращаться домой. Я все в нем ненавидела. Мне было непонятно, как можно ТАК жить – в облаке алкогольного дурмана, в состоянии бесконечного похмелья. Как можно позволить убить в себе веру в сказку, веру в то, что ты стоишь большего, чем то, что вокруг тебя сейчас.

Я любила свою мать, как каждый ребенок. И как каждый ребенок, я наивно и бесконечно пыталась завоевать ее расположение. Я не употребляла алкоголь, не курила, как она. Я хотела получить высшее образование, занималась спортом, но чем лучше я хотела стать, тем больше она ненавидела меня. Может быть, именно за то, что я не такая, как она. Может быть, во мне она видела свое треснувшее отражение. Однажды я в слезах спросила у нее: «За что ты ТАК ненавидишь меня?», она подняла на меня свои замутненные алкоголем глаза и прошипела: «За то, что ты родилась».

Под ногами хлюпала вода, крепкий осенний ветерок насквозь пробирал меня холодом, но я не стала застегивать плащ, ведь этот ветер, хлещущий мне в лицо каплями дождя,

словно утолял мою боль. Ступив с бордюра в маленькую, как мне показалось, лужу, я провалилась по щиколотку в ледяную грязную жижу. Настроение испортилось, ведь в реальности я не могла поехать в большой теплый дом к жарко пылающему камину и просушить ноги, выпить чашку горячего молока.

В следующий момент, обдав меня запахом жуткого парфюма и лука, меня обогнал высокий плотный человек. Он почти оттолкнул меня с дороги в раздражении, как будто я была помехой на его пути. Он куда-то очень спешил. Проскакав несколько метров, он оказался у автомобиля. Муркнув сигнализацией, он плюхнулся в салон и грохнул дверью. Выезжая передо мной из двора, он поднял облако грязных брызг. Наверно, мы все рано или поздно сталкиваемся в жизни с подобным хамством и невоспитанностью.

Когда я оказалась у перекрестка, светофоры уже не горели. Почему- то так делают в нашем городе, после полуночи отключают светофоры, и пешеходы вроде меня теряют ориентир. Наверно, авторы наших правил дорожного движения рассчитывали на законопослушных граждан, когда вводили термин «Зебра», я тоже рассчитывала, когда стала переходить дорогу по «Зебре»…

Он так стремительно вылетел из-за поворота, что я растерялась от внезапности происходящего: визг резины, стираемой об асфальт, пронзительный вой клаксона. Он не притормозил, он просто не захотел притормозить. Наверное, у

него, как и у меня, был сегодня тяжелый день и он ненавидел весь мир. Он куда-то спешил, это снова был ОН, тот человек, обогнавший меня во дворе. Я успела увидеть его лицо сквозь лобовое стекло, а потом был удар в бедро и темнота.

– Эй, красавица, вставай! Давай ручку, я помогу! – надо мной склонился силуэт человека, он протягивал мне руку. Как в моих мечтах, когда за мной приезжал принц на сверкающей карете. Я не видела его лица, ослепленная яркими огнями фар.

Я осмотрелась по сторонам. Я лежала на мокром асфальте в круге света фар стоящей рядом машины, мигающей аварийными огнями. Улица была пуста, по ночам наш маленький город словно вымирает. Пустая улица, я и склонившийся надо мной силуэт. Я вложила руку в его ладонь, как я всегда делала это в своих мечтах. Стоп. Я, кажется, сильно ударилась головой.

– Это ты меня сбил? – я обратилась к нему на «ты», какие теперь между нами церемонии, после того как он чуть не убил меня своей машиной!

– Я? – он рассмеялся. – Нет. Тот, кто тебя сбил, уехал. Дико куда-то спешил человек. Так сильно, что даже не притормозил. Тебя выбросило мне под колеса.

– Сволочь он, – тихо пробормотала я. – Нельзя так с живыми людьми.

Я осматривала себя. Ну конечно, вся в грязи, но вроде бы ничего не поломала.

– Согласен, нельзя. Идем, я тебя подвезу.

Мне не хотелось возвращаться домой, но и гулять в таком виде я уже не могла. Мокрая, грязная, в разодранных колготках. Он прав, меня надо подвезти.

– Снимай свой плащ, в машине тепло, – незнакомец помог мне стянуть мокрый грязный плащ. – У тебя коленка разбита, надо рану обработать.

Он помог мне сесть в машину.

– Куда тебя везти?

Я назвала ему адрес, и мы поехали по залитым дождем пустым улицам. В мокром асфальте отражались мигающие желтыми огнями светофоры, фонари и фары редких встречных машин.

Запарковавшись возле моего подъезда, незнакомец повернулся ко мне, и я узнала его! Это был тот самый парень из моих фантазий. Высокий, красивый, стройный брюнет. Цвет его глаз я рассмотреть не могла, но я и так знала, какого они цвета.

– Позволишь мне проводить тебя до квартиры? Удар был сильный, лучше, если я поведу тебя под руку. Хочешь, поедем в больницу?

Я отрицательно помотала головой.

– Нет, спасибо. У меня все нормально, ничего не болит. А до квартиры, да, пожалуйста, проводи.

Мне не хотелось, чтобы он входил в мой ужасный подъезд, видел дверь моей квартиры, я стеснялась своего внеш-

него вида, но я не могла с ним расстаться, я слишком долго мечтала о нем.

Он помог мне выйти из машины. Его серебристая «Тойота» вполне могла сойти за карету. Хороший мальчик не проехал мимо, возится со мной, наверняка он из хорошей семьи, а я всего лишь голодранка из плохой. Сейчас он увидит мой подъезд и никогда-никогда мне не позвонит, даже если и возьмет у меня телефон.

Он взял с заднего сидения мой плащ и чуть склонился ко мне.

– Обопрись на мою руку. Если почувствуешь боль, говори, я отвезу тебя в больницу.

Я взяла его под руку и почувствовала аромат его духов. Вот сейчас я закрою глаза и стану наслаждаться каждой секундой этого полета. Я иду под руку с принцем из своих детских грез и знаю, что это кончится, но сейчас он ведет меня не в свой дворец и не по ковровой дорожке, но он меня ведет.

Остановившись возле своей квартиры, я вздохнула.

– Я живу здесь, – я скользнула глазами по расписанным матерными словечками стенам. – Спасибо за то, что проводил меня, – я еще раз вздохнула, пытаясь сдержать слезы. – Спасибо тебе за то, что вообще остановился. Ты бы мог проехать мимо, как тот человек, который сбил меня.

Принц покачал головой, встречаясь со мной глазами. Синими глазами!

– Нет, я бы не смог.

Вот сейчас пришла пора прощаться. Сейчас он махнет мне рукой, и я никогда больше его не увижу. Но зато я теперь знаю: он реален! Он не бесплотный призрак из моего сна, а вполне осязаемый живой человек.

– Я не смогу выразить словами полную величину своей благодарности, но ты просто знай, – я замялась, подбирая слова. – Я буду тебе благодарна всегда.

Незнакомец улыбнулся. Белые зубки, ямочки на щечках.

– Всегда не нужно, а вот кофе я бы выпил.

Я смущенно опустила глаза.

– Мне неловко, но у меня дома… Я не одна живу, и там чуть лучше, чем здесь, – я обвела руками подъезд.

Принц понимающе кивнул.

– Мы можем выпить кофе у меня.

На мгновение у меня перебило дыхание.

– Эм… Когда?

– Если кроме разбитой коленки у тебя ничего не болит, можно прямо сейчас.

Не буду врать, я задумалась. Он не только не исчез, увидев мой подъезд, он приглашает меня к себе. Я могу прямо сейчас переодеться и поехать к нему. Что может этому помешать? Мне завтра не нужно на нелюбимую работу, я в отпуске. Среди ночи? Так он сам предложил, значит, это возможно. Вдруг он какой-нибудь маньяк? Что ж, значит, это моя судьба, я столько ночей мечтала об этом красивом молодом мужчине, что если он послан мне для того, чтобы убить,

что я теряю? Жизнь, которую я почти проиграла, в которой у меня не было и нет ничего хорошего, ни одного шанса на успех и воплощение моих надежд? Да ну и черт с ней. Я хочу сейчас поехать с ним, смотреть на него, видеть его глаза, улыбку, вдыхать его аромат.

– Хорошо. Я только переоденусь.

На его лицо словно скользнул солнечный зайчик.

– Да. Я подожду в машине.

Я вставила ключ в замок, и в сердце что-то оборвалось. Вот сейчас я войду в свою квартиру, а он сядет в свою серебряную карету и уедет. Мысленно дав себе оплеуху, я повернула ключ и обернулась через плечо.

– Я буду ждать, сколько потребуется. Ты обработай коленку.

В прихожей не горел свет, и во всей квартире было подозрительно тихо. Впервые за всю мою жизнь здесь в такое позднее время, казалось, все спали. Прокравшись на цыпочках и осмотрев квартиру, я с удивлением обнаружила: никого нет дома. Это было невероятно, но очень кстати, учитывая обстоятельства.

Выбирать, во что переодеться, мне было особенно не из чего. Разодранные об асфальт колготки теперь остается только выбросить. Я заменила их джинсами, предварительно залив коленку перекисью прямо из бутылки. Я очень торопилась. Мне не хотелось столкнуться с матерью и отчимом, и я боялась, что мой долгожданный прекрасный принц может

уехать.

На бегу расчесывая волосы, я снова мысленно отметила невероятную тишину пустой квартиры. Не бормотало радио на кухне, не завывал телевизор из комнаты матери, и нигде не капала вода. Тишина, и где-то там, за окном, во дворе меня ждет серебряная карета.

Плащ полетел в тазик с грязным бельем. Вместо него я достала из шкафа свою старую куртку. Стыдно мне не было, принц и так уже должен был понять, я не богатая наследница. Какого черта, я в этом не виновата! Я работаю всю свою сознательную жизнь, со школы. Такие вакансии, такие зарплаты, такая страна – в ней не сбываются мечты.

Наверно, я слишком поспешно выскочила во двор, а он ждал меня у машины.

– Все нормально? Можем ехать?

– Да, пожалуй.

В машине он тихонько включил красивую инструментальную музыку и ободряюще улыбнулся мне.

– Теперь все будет хорошо.

Мы проехали через пустой спящий город и выехали за его пределы. Проехав километров 20, мы свернули к элитному жилому поселку, освещенному яркими огнями иллюминаций и фонариков. Откуда-то звучала музыка, и по мере нашего приближения она становилась все громче. Наконец мы свернули еще раз, и я увидела освещенный праздничными огнями дом. Он был выполнен в средневековом стиле и на-

поминал старинный замок. Притормозив немного, незнакомец повернулся ко мне.

– Доверься мне, хорошо?

Возле парадного подъезда нас встречали люди в форменной одежде: швейцар в парадной ливрее, охрана и дворецкий.

– Куда мы попали? – удивленно прошептала я.

– Домой. Точнее в один из наших домов.

– Наших?

– Ну да, – незнакомец улыбнулся и с укором заглянул мне в глаза. – Ты столько времени меня ждала и не узнала?

Я смотрела на него расширенными от шока глазами.

– Ты похож на принца, который приезжал за мной в детстве, во сне.

Он кивнул.

– Вот. Я приехал. Я не мог сделать этого раньше, раньше ты была не готова. Я наблюдал за тобой, и когда ты оказалась в беде, не смог больше быть в стороне. Я приехал за тобой.

– Это горячечный бред, да? Я сильно ударилась головой?

– Просто доверься мне, ладно? Ты взрослая девочка и должна понимать: все мысли и мечты имеют энергию, и если чего-то очень сильно хотеть, эта энергия где-то должна разряжаться после того, как набирает достаточную концентрацию. Ты очень сильно меня ждала, я просто не мог не приехать за тобой.

Сказав это, принц вышел из машины, обошел ее, открыл

дверь с моей стороны и подал мне руку. Я смотрела на его руку широко распахнутыми глазами. Этого не могло быть в моей тусклой жизни, в которой я выживала только своими мечтами. Я преодолевала все трудности и неудачи, спасаясь в придуманном мире снов, в Дождливом городе, куда я отправлялась в полусне, когда осенью дожди лили по нескольку дней. Если слушать песни дождя, можно услышать в них сказочные истории про далекие страны, про принцев и настоящую любовь, а если очень захотеть, можно научиться ходить меж капель дождя, но это был мир моего воображения, этого не могло быть в реальности, в России, со мной…

Он приглашающе держал протянутую руку, чтобы я вложила в нее свои пальцы так, как делала это во сне. Всегда.

Эпилог

Пустые улицы ночного города ожили, по ним на бешеной скорости летели машины ДПС и «Скорой помощи». Поступил звонок, на центральном перекрестке лежит сбитая машиной девушка. Водитель машины скрылся с места происшествия. Звонивший кричал в трубку, что пульс у нее почти не прощупывается.

Врач «Скорой помощи» опустился на корточки, пощупал пульс, просветил фонарем зрачки.

– Носилки быстро, жива!

Тело погрузили на носилки.

– Похоже на внутреннее кровоизлияние в результате удара головой об асфальт. Можем не успеть.

Захлопнулись двери, и машина рванула с места. Машина ехала быстро, очень быстро, и врачи старались успеть, и водитель старался. Карета «Скорой помощи» остановилась возле дверей «Приемного покоя», носилки выкатили, бегом устремляясь в операционную.

Устанавливая датчики пульса, молоденькая медсестра взволнованно смотрела на монитор. Наконец она беспомощно повернулась к дежурному врачу.

– Нет пульса, – сказала она, побледнев. – Как жалко! Такая молоденькая…

Врач кивнул.

– Это кровоизлияние в мозг. Реанимация бесполезна, не успели, слишком поздно…

* * *

– Я не могу выйти из машины в таком виде. Здесь столько людей, они смотрят на меня. – Я потупила глаза, чувствуя, как заливаюсь румянцем. Меня бросило в жар, голова словно горела огнем.

– Можешь, каждая девушка заслуживает того, чтобы поехать на бал. Просто доверься мне! – с улыбкой повторил принц. И я поверила ему, вкладывая в его руку свои пальцы. И в этот момент меня словно ослепил яркий свет, когда я

снова смогла дышать, оказалось, что я стою на ступенях, обтянутых красным бархатом, и держу под руку высокого синеглазого брюнета. На мне было сверкающее бриллиантами белоснежное бальное платье.

– Этого не может быть, – прошептали мои губы.

– Может, – прозвучал бархатный голос прекрасного принца. – Идем, нас все ждут.

Мы шагнули вверх по ступеням навстречу ярким огням туда, где звучала божественная музыка живого оркестра и в золотых канделябрах пылали тысячи свечей. Скользнув глазами по витражу дверей, я увидела в зеркальных вставках наше отражение. Юные, стройные, такая красивая пара! Неужели эта невероятно красивая девушка в белоснежном сверкающем платье – я?

И мы пошли навстречу ярким огням в переливающиеся звуки скрипки и клавесина, навстречу балу, в мою красивую волшебную сказку…

Марина Болгова

г. Новокузнецк, Кемеровская обл.

Отчёт Дьявола перед Богом

Всё вокруг полыхало огнём. Дьявол в бешенстве менял свой облик с огромного огнедышащего чудовища на человека и обратно. Ему было от чего впасть в бешенство, Бог пришёл в его обитель. Дьявол не желал разговаривать со своим старшим братом, но у него не было выбора, ему придётся держать ответ перед Богом.

Бог строго посмотрел на своего беснующегося родича.

– Ты знаешь причину моего прихода, – строго сказал Он. – У нас был уговор, что ты не вмешиваешься в жизнь людей и не подталкиваешь их к совершению зла, а забираешь души, которые сознательно выбрали зло.

Дьявол принял человеческий облик и спокойно прошёлся по своей обители. Потом он с хитрецой во взгляде посмотрел на Бога.

– А не ты ли, дорогой мой брат, просил скрыть от людей истину? – с ехидством спросил Дьявол у Бога. – Ты хотел, чтобы люди по своей доброте душевной сами докопались до спрятанной истины. Так чего ты теперь от меня-то хочешь?

Дьявол вытащил из кармана сотовый телефон и позвонил кому-то, затем показал телефон Богу со словами:

– Хорошая штука, до кого угодно можно дотянуться, не выходя из комнаты, люди придумали.

Бог проигнорировал высказывание Дьявола.

В обители Дьявола появился демон.

– Вызывали, мой повелитель? – обратился демон к Дьяволу.

– Расскажи, как обстоят дела в нашем Мире. Что делают люди ради любви к Богу? – потребовал от демона отчёт Дьявол.

Демон захихикал.

– Убивают, мой повелитель, – смиренно ответил демон. – Каждый придумывает своего Бога, а потом в кровопролитных сражениях они доказывают, чей Бог сильнее.

Бог с болью в душе опустил голову.

– А что делают люди ради любви? – продолжал Дьявол опрос демона.

Демон подавил ухмылку и ответил:

– Убивают, мой повелитель.

– Что делают ради добра и справедливости? – продолжал спрашивать Дьявол демона с ехидной улыбкой на лице.

– Убивают, мой повелитель, – продолжал отвечать демон.

– А есть ли в нашем Мире те, кто познал истину? – уже с громким смехом спросил Дьявол.

На смех Дьявола демон ответил лицемерной улыбкой.

– Есть те, кто познал истину, но их никто не слушает, и они ушли от людей, стали отшельниками и затворниками, а кто ещё пытается донести истину, от тех отвернулись сами люди, и они прозябают в одиночестве.

– А как же Божьи слуги, почему священники не остановят хаос? – с притворным волнением спросил Дьявол.

– Божьи слуги обрядились в золото и рвутся к власти, им нет дела до поиска истины. Божьей карой они только простых и бедных людей пугают, чтобы отвести взор от богатства священников, – ответил демон.

Дьявол посмотрел на Бога:

– Видишь, брат, обо мне люди даже не вспоминают. Всё зло люди делают во имя и ради тебя.

Бог ничего не мог сказать, по его лицу текли слёзы.

Костик и его войско

Костик с облегчением смотрел на маму, которая сидела на стуле рядом с его кроватью. Из окна в больничную палату лился яркий свет. Ему только что сделали укол, и боль отступила.

Мама нежно смотрела на сына, изредка смахивая накатившуюся слезинку платочком. Ей казалось, что Костик этого не замечает, но он просто делал вид, что не видит, как мама переживает. Мама вынула из своей сумки картинку и подала Костику.

Костик посмотрел на картинку и улыбнулся. На картинке был изображён всадник, который своим копьём пронзает змея. Костику понравилась картинка. Мама попросила сына, чтобы он положил картинку под свою подушку, когда захочет спать. Костик согласно кивнул головой.

Сон быстро сморил мальчика, и он уснул. Мама тихо вышла из палаты. Она нашла лечащего врача Костика в его кабинете. Врач, встретившись взглядом с Татьяной, опустил голову.

– Никаких изменений? – тяжело выдохнув, спросила Татьяна.

Врач с грустью посмотрел на неё.

– К сожалению, изменения есть, но не в лучшую сторону. Опухоль мозга продолжает расти, – печально сказал доктор.

– Сколько у нас времени? – со слезами на глазах спросила Татьяна. – Мальчику только пять лет, за что нам такое?

– Точно на Ваш вопрос никто не ответит, думаю, несколько месяцев, – ответил врач и отвёл глаза в сторону, чтобы не видеть, как душевная боль Татьяны исказила её лицо.

– Этого не может быть, но должно же быть какое-то средство?! – взмолилась она.

– Мы сделали всё, что могли. Если ему и операция не помогла, то уже ничего не поможет, – объяснил врач.

Татьяна с поникшей головой вышла из кабинета врача. Она, потихоньку приоткрыв дверь, заглянула в палату. Костик мирно посапывал. Татьяна грустно посмотрела на спящего сына и так же тихо прикрыла дверь в палату.

Пока Костик спит, она опять пойдёт в церковь молить всех святых и пресвятую Богородицу об исцелении её сына. Поставит свечку во здравие, как делает это теперь каждый день. Она не может смириться с тем, что её сын умирает и никто не в силах ему помочь.

Год назад у Костика обнаружили злокачественную опухоль головного мозга. Они прошли лечение, потом долго собирали деньги на операцию. Люди отозвались, помогли деньгами. Операцию сделали, опухоль удалили, казалось, всё позади. Но через некоторое время рентген показал, что опять образовалась новая опухоль и стала расти с поразительной скоростью.

Костик не осознавал того, что он спит, все картины бы-

ли для него слишком реальны. Он видел себя в боевых доспехах сидящим на боевом коне, в руках он сжимал рукоять меча, и меч не казался ему тяжёлым. Позади него ровным строем стояло войско. Костик знал, что это его войско, он командует этим войском, но оно малочисленно. А впереди несметная чёрная рать противника и Тьма. Эта рать, двигая за собой Тьму, медленно и грозно надвигалась на Костика и его войско.

В глазах у Костика не было страха, он смело поднял меч и с боевым кличем бросился на противника. Всё войско последовало за ним. На большой скорости Костик и его войско столкнулись с противником. Отовсюду слышался скрежет металла. Костик поражал бойцов противника одного за другим. Он махал мечом направо и налево, враги кучами падали, сражённые Костиком. Но силы были слишком неравные. Войско Костика окружили враги, и кольцо всё больше сжималось.

Как бы храбро ни сражались воины Костика, но количество воинов катастрофически уменьшалось. Воины падали, сражённые врагом. Кольцо вокруг Костика сжималось. Он уже видел довольные лица противников, которые пробирались к нему. Им не терпелось уничтожить главнокомандующего. Но и это не сломило Костика, он с ещё большей силой стал уничтожать врагов.

Вокруг Костика осталась совсем небольшая кучка воинов, которые окружили своего командира, намереваясь умереть,

защищая командира ценой собственной жизни.

Вдруг перед Костиком появляется всадник с копьём в руке, от этого всадника веет неимоверной силой. Костику показалось, что он уже где- то видел этого всадника.

– Ты кто? – спрашивает Костик у незнакомого всадника.

– Я – Георгий Победоносец, твоя мама послала меня на помощь к тебе, – мощным, громовым голосом ответил всадник, и земля затряслась под ногами от его голоса.

Вокруг всадника появился яркий свет, который стал с большой скоростью разрастаться по кругу. Чёрная рать противника бросилась бежать, но свет настигал их, и они падали, сгорая в огне Божественного света. Враг был повержен, Тьма отступила, яркое солнце залило всё пространство Светом.

Костик резко проснулся. Сон до мельчайших подробностей до сих пор помнился мальчику. Он прокрутил его у себя в голове. Это была хорошая сказка, приснившаяся ему. Потом он вспомнил всадника, нырнул под подушку и вытащил картинку, которую ему дала мама. Он посмотрел на изображенного на картинке всадника. Да, именно он пришёл на помощь Костику в его сне.

В палату вошла мама. Костик с довольным видом показал ей картинку с изображённым всадником и радостно рассказал сказку, которую видел во сне. Татьяна не выдержала и заплакала. Костик удивлённо посмотрел на неё:

– Ма, ты чего? – удивился мальчик.

– Всё в порядке, малыш, это слёзы радости, я от радости плачу. Мне очень понравилась твоя сказка, – успокоила Костика Татьяна.

– Мама, а он меня может вылечить? – спросил Костик, разглядывая картинку. – Он мне понравился.

– Надо верить, дорогой, что сможет, – с надеждой в голосе ответила Татьяна.

Вечером Татьяна пожелала Костику спокойной ночи и ушла домой. На ночь оставаться в больнице ей не позволяли. Костик остался один, но спать ему ещё не хотелось, и он, вынув из-под подушки картинку с изображением всадника, пронзающего копьём змея, стал разглядывать его и вспоминать свой сон. Он всё прокручивал и прокручивал свой сон в голове. Костик представлял тот яркий свет, исходивший от всадника.

Костик стал представлять картины из своего сна, для него это стало игрой, он всё с новой силой нападал на рать Тьмы, призывая на помощь всадника с картинки. И появлялся всадник, и сгорала рать Тьмы под Божественным светом Всадника с копьём. Костик, замечтавшись, не заметил, как уснул. И снова ему снился всадник с копьём, конь которого, казалось, не бежал, а летел по полю сражения, свергая врагов своим льющимся Светом. Тьма расступалась под натиском Света и исчезала совсем.

Утром Костик проснулся отдохнувшим, посвежевшим. Его не мучила боль, как обычно по утрам. Он поднялся с кровати, сам сходил в туалет и в ожидании мамы сел у окна. Лето было в полном разгаре. Ярко светило солнце, отовсюду раздавалось пение птиц. Костик смотрел на прохожих людей. Ему тоже очень хотелось оказаться на улице, пробежаться по земле под светом солнца. Ощутить свежий ветерок.

Татьяна, войдя в палату, очень удивилась, что Костик не

лежит, как обычно, в кровати, а сидит у окна, увлечённо наблюдая за происходящим на улице. Увидев маму, Костик с радостью бросился к ней в объятия.

– Как себя чувствует мой птенчик? – радуясь хорошему настроению сына, спросила Татьяна.

– Хорошо! – выкрикнул Костик. – Мама, я на улицу хочу.

Татьяна на миг задумалась, но потом ласково улыбнулась и ответила:

– Я думаю, Борис Александрович не будет против того, если мы немного прогуляемся.

Костик радостно захлопал в ладоши.

В палату вошёл лечащий врач Костика. Увидев приподнятое настроение Костика и его мамы, он улыбнулся.

– Вижу, сегодня у вас всё в порядке? Как себя чувствует больной? – весело спросил Борис Александрович у Кости.

– У меня ничего не болит, – радостно сообщил мальчик. – Мы с мамой хотим пойти погулять на улицу.

– Это хорошая идея, – поддержал врач Костика.

Костик с мамой прошлись по городским улицам, зашли по пути в магазины, где Костик заказал маме много вкусных лакомств. Татьяна давно не видела сына таким весёлым. Она купила ему игрушечных солдатиков, которых попросил Костик.

– Я хочу играть в войну, я буду уничтожать монстров, – объяснил Костик маме.

Татьяна даже купила ему несколько монстров, с которыми

будут сражаться игрушечные солдатики Костика.

В течение дня боли у Костика так и не появились. Мальчик даже забыл о том, что болен. Когда вечером он остался один, то долго ещё его игрушечные солдаты сражались с игрушечными монстрами. А под рукой мальчика всегда находилась картинка с изображением всадника с копьём, он даже на ночь с ней не расставался, прижав к груди картинку, так и засыпал.

В течение недели мальчик ни разу не пожаловался на головные боли. Это очень удивило Бориса Александровича. Мальчик ничем не отличался от здоровых детей, он был весел, игрив, у него был отменный аппетит, чего раньше за ним не наблюдалось. Температура в течение недели была в норме. Врач назначил Костику рентген головного мозга.

Борис Александрович уже несколько минут разглядывал рентгеновские снимки мальчика. Когда он их увидел впервые, то подумал, что снимки перепутали, но его уверили, что это снимки именно того пациента, кого заказывал врач. Врач не мог поверить: мальчик был здоров. На снимках не было опухоли и в помине.

Татьяна сидела в кабинете врача, который вызвал её в срочном порядке. Но врач никак не начинал разговор.

– Вы мне хотели что-то сказать, – напомнила ему Татьяна.

Доктор серьёзно посмотрел на неё, затем на его лице появилась улыбка.

– Да, Татьяна, я хотел Вам сообщить, что Костик абсо-

лютно здоров, рентген показал, что опухоли больше нет, – сказал Борис Александрович. – Только не спрашивайте меня, почему и как. Сам ничего не пойму, но с уверенностью говорю, что мальчик здоров. Мы возьмём у него некоторые анализы и будем выписывать. Теперь он будет у нас только наблюдаться.

Пока доктор ей всё это говорил, перед глазами Татьяны расплывались круги, и тысячи разнообразных картинок пронеслись в голове. Ей очень хотелось верить врачу, чувства боялись обмануться. Она заплакала.

– Успокойтесь и идите, обрадуйте Костика, что теперь закончились его страдания и боли, – успокаивал её врач.

– Да, да, Вы правы, я побегу к сыну и обрадую его, – согласилась с ним Татьяна.

Костик уже неделю как жил дома. А в углу его комнаты на полочке стояла икона Георгия Победоносца. Костик каждый день с ним разговаривал, уж он-то знал, что Георгий Победоносец его слышит.

Наталия Бочкарёва

г. Кемерово

По мотивам японского аниме «Эрго Прокси»

Сбежавшие от себя

Путешествие продолжалось.
Сбежавшие от себя и всех,
Мы ищем то, что осталось
В уничтоженном городе; грех
Сильных создал неизбежное зло.
Пустота, забытая история —
Целый мир, время шло.
До сих пор территория
Запрета под пеплом забытья.
Мы вслушиваемся в голоса.
Ещё такой же день. Ты и я.
В ожидании исхода красишь глаза
Ультрамарином убитых небес.
В них реальность, где нет любви,

Нет эмоций. Перешагивая чрез
Других созданий, на крови
Не построить новую жизнь.
Живые мертвецы, искусственный мир —
Это начало конца. Химизм
Чужих законов, едкий эфир
Наполнил Землю… Но постой,
Пошёл снег, значит, боги вернутся.
Ты ещё хочешь быть со мной?
Возможно, мы идём туда, где смеются.
Возможно, мы спешим назад, где камни.
Время застыло, но в этот жестокий миг
Я хочу прикоснуться к тебе. Странно,
Такое чувство, что сейчас сорвусь на крик.
Вселенная развернулась в груди моей:
«Я люблю тебя» – но это дилемма.
Ты растеряна, тебе больней
Выражать любовь – итог системы.
Здесь мы заново учимся быть людьми.
Только ты и я… и ещё ребёнок – существо,
Что взрослее нас. Возьми Холодный
Снег на ладони – естество.
Ты улыбаешься, глаза стали светлей.
Теперь наш корабль поднял паруса.
Ветер перемен, мчи нас скорей,
Мы живы и пробудились от сна!

Странник пустошей

Без памяти душа моя бездомна,
Обрывками всплывает образ странный,
Передо мною взгляд его бездонный.
Я в никуда иду, забытый странник.
В безмолвии скитаний горький опыт
Зовёт меня вернуться, сбросить маску —
Вновь обрести себя, и жалкий ропот
Сменить на грозный рык, и краски,
Тусклые от пепла, заменить на цвет,
Ведь в забытье я не боюсь проснуться.
Пульс пробуждения мне даст ответ,
Сознанье расширяется, и рамки гнутся.
Средь тьмы непонимания вновь вижу свет.
Я солнцу вызов бросил, оживает мир.
И с глаз спадает пелена: прощенья нет!
Я слышу зов людей, спешат на пир

Стервятники, подняв клубы воспоминанья…
Руины, пустоши полей молчат сейчас.
К земле склонюсь, как сын закланья.
Создатели, настал ваш смертный час!

Real

Реальности потерян след во сне.
В беспамятстве моём лишь тени.
Искал тебя, всё потому, что ты во мне.
Любовь и смерть моя в сплетеньи.
Оракул в сердце шепчет страх —
Хочу пробиться к нераскрытой тайне.
Оставлю ключ судьбы в твоих руках.
Сейчас я сплю, но это так реально!

Уйду я зверем в пределы одиночества.
Мир мой искусственный – не для меня.
Жизнь возвращается лучом пророчества,
В час воскрешения бьётся пульс огня.
Стучит он в такт с твоим, тепло и нежно.
Моя реальность, слышишь зов в беззвучье?
Создатели летят, мосты сжигают спешно.
Отрадней спать, и камнем быть нам лучше…

Бог из машины

Проникнув вглубь себя, тайник,
Хочу спалить свой мир до пепла.
Изгнанник общества – и боль, и крик.

От взрыва зла Земля ослепла.

Не верю людям, правды нет…
Советников всё глуше голоса,
Которые не могут дать ответ – «
В чём смысл жизни?». Спасать

Меня не надо, я мёртв уже.
Но видится мне странный сон:
Другой стоит на новом рубеже.
С ним сердце бьётся в унисон.

Бог из машины – сильный враг.
Войну с ним начал и не каюсь,
Но изначально было всё не так:
Безжалостно от солнца разлагаюсь.

Исправил я в программе сбой,
В холодном взгляде стальной мрак.
На битву вызвал тень с собой.
Отдал врагу свой тайный знак.

Мир сотворив, забыл про любовь,
Город рухнул по этой вине.
Рекой пролилась безвинная кровь….
Я спасенья не ждал в вышине.

Следовательно – без души не жив,
Следовательно – мир мой тлен.

Посланник Смерти, теперь скажи,
Чего ждёшь у разрушенных стен?!

Алексей Весин

г. Калининград

Телефон

Знакомая мелодия, сначала далёкая, как звон колокольчика в тумане, а затем всё приближаясь, становясь громче и явственнее, вливалась в его уши, голову, тяжело вытаскивая сознание из глубокого сна. И когда, разлепив веки, он увидел яркий дневной свет, привычную обстановку в комнате, то счастливо понял, что это и есть правда его жизни, а не та горестная, тоскливо тревожная, увлекающих с собой сновидений несчастья, в которые замкнулся его мозг. А через несколько мгновений, преодолевая их липкие остатки, Егор сообразил, что это звонил телефон. Тот, лёжа на столе, отчётливо, высоко и уверенно, как исправный музыкальный автомат, лил из себя радостные ноты. Электронный будильник зелёными светящимися цифрами показывал почти четырнадцать часов. «Около полутора часов проспал», – отметил про себя Егор и, морщась, гримасничая заспанным лицом, потянулся к телефону.

Он нажал зелёный значок и сразу же, выговаривая: «Да, да, я слушаю!» – приложил трубку к уху. Аппарат ему отве-

тил молчанием. Егор подождал и снова подтвердил: «Алло! Кто звонит?» Он услышал, как где-то там, внутри, что-то зашевелилось, вздохнул кто-то печально и глубоко, но ответной человеческой речи не было. Егор ещё подождал и положил трубку обратно.

Обернувшись, посмотрел на смятую подушку и вспомнил о том, что давно уже не ел: на завтрак чай с бутербродом. Нужно пойти на кухню да приготовить что-нибудь посущественнее. Всё равно сегодня целый день сидеть дома. И только сделал шаг, как опять зазвонил телефон. Егор не спеша взял трубку и сказал, что слушает. На другом конце опять послышалась какая-то возня, сопение, и… молчание. Ему пришла мысль про жену, которая сейчас живёт у тёщи той самой интересной, полной, правильной жизнью. «Ты будешь говорить?» – первым не выдержал муж. Но там в очередной раз засопели, как мультфильмовские зверьки, что-то звучно щёлкнуло, и всё стихло. Егор положил телефон на стол.

Пустые звонки его мысли столкнули обратно, к тем нелепым снам, когда он днём прилёг отдохнуть. Висящая в воздухе морось, призрачные, нечёткие, скользящие силуэты и сердце, сжимавшееся от нехорошего предчувствия. И вот тогда появляется, начинает над ним нависать, как чёрная туча, довлеть гнёт. Причём всё счастливое, радостное, жизнелюбивое куда-то делось, исчезло, пропало, как будто его и не было, и никогда не будет. А осталась только невыносимая тяжесть, которая заняла всё пространство, сдавила, влезла в

содрогающееся тело, в обессиленную волю, в саму душу, и валит его, как несчастнейшее существо, в большую, склизкую яму горестей.

Егор увидел, как телефон дрогнул и весело залился очередным вызовом. Он смотрел на него и думал, какую интересную машинку придумали люди: в неё и поговорить можно, и послушать, что скажут, сфотографировать, поиграть в игры, завести будильник, посчитать на калькуляторе, и есть ещё всякие штучки, а сам такой маленький. Телефон раз за разом старательно исполнял назначенную ему мелодию. «Вот возьму, и никого не будет. Трезвонит только», – безнадёжно предположил Егор.

– Алло! Я слушаю, – вежливо сказал он.

На этот раз звонивший, а вернее – звонившие, двое, перебивая друг друга, а то и говоря одновременно, вместе, пафосными, кривляющимися голосами стали сообщать странные вещи. Что они представители иноземной цивилизации Дзунь и Блим, путешествуют по вселенной, залетели на Землю, в частности – к Егору, и просятся к нему зайти в гости. А весь разговор пересыпался восхищениями и восторгами по поводу каких-то космических объектов, местной телевышки, Центрального парка культуры и отдыха, телефонистки Наденьки, филармонии, а также самого Егора. На что Егор решил подыграть клоунам и пригласил.

– А-а-а! – понеслось ему в ухо.

Тут же что-то грохнуло следом, звучно, как пистон в детском пистолете. Хозяин от резкой боли отбросил телефон обратно на стол, и он затрясся, подрагивая, на полированной поверхности, играя бравый марш. Так аппарат прогремел с минуту, а затем от него стало подниматься облако, похожее на голографическое изображение. Ещё мгновение – и внутри облака засветился аналоговый график амплитудно-модулированного сигнала, который померцал, как неоновая реклама, да преобразился в график дискретного сигнала. В таком виде и завис. Егор работал строителем, поэтому появившееся математическое чудо его мало заинтересовало. Что-то вспомнилось из школы, из физики, но к чему всё это, он так и не понял. Он стоял и смотрел, не зная, как посту-

пить. Подумалось, что, может, совсем отключить? Но телефон важно завибрировал всем корпусом, послышался шипящий звук, как будто исходил воздух под давлением, потом громко хлопнуло, и из него вылетели, один за другим, два расширяющихся тёмных сгустка. Пролетев дугообразно, они смачно шлёпнулись об пол рядом с Егором и превратились в двух маленьких мужичков. Ростом сантиметров пятидесяти. Который красного цвета – был потолще, а синий – худее. Оба зеленоглазые, но у красного одни округлости: нос, щёки, животик, а синий, наоборот, стоял долгоносый, рот чёрточкой, с худой грудью и длинными руками. Одеты в комбинезоны такого же цвета, как и они сами. Хозяин невольно снова что-то начал думать о прошлом и наконец сообразил, что внешний вид гостей ему напоминал наглядное пособие, плакат про науку об электричестве. А те надулись, выпятив грудь, и красный громким голосом сказал:

– Дзунь! – а синий за ним: – Блим!

– Егор, – представился им Егор, услышав знакомые имена, и продолжал размышлять о том, что это сказка какая-то, фантастика, а может, начались галлюцинации: как могут два таких человечка выскочить из совсем маленького телефона? Решил проверить, подошёл к невозмутимо стоящему Дзуню, похлопал его по плечу и сказал:

– Человечество вам радо. Будьте как дома.

Красный не растерялся, схватил обеими руками руку Егора и начал её трясти. У Дзуня плечо и руки были настоящие,

сильные и тёплые.

– О-о-о-о-о! – заговорил инопланетянин. – Мы тоже рады человечеству!

– Хо-хо-хо! – вторил ему синий. – Видели ваш телевизор, тарелки с чашками, знаем, что ты с женой поругался, и она сейчас живёт у своей мамы!

– Да! Много видели, много знаем! – залился восторгом от самих себя Дзунь. Его оранжевые брови взлетели на лоб, глаза выпучились, кругленький нос приподнялся кверху, а широко открытый рот выписывал: – Ата-та, ого-го! Новый мир, разумные творцы! Охо-хо!

– Эхе! Давай, Егор, с нами! В другом обличье и по другим дорожкам! – широко размахивая руками, в высоком подъёме счастья, расприглашался Блим.

– Вот да! С нами в бескрайнее пространство, до тонких проводков! Стань рядом и оглянись вокруг! Оп-ля!

– Давай к нам! Иди! Становись рядом! Ближе! Веселей, смелей! – кричали они вдвоём, голосисто, теребя и притягивая Егора за рукава.

Хозяин, не предполагая о серьёзности произнесённого двумя маленькими болтунами, добродушно сделал шаг и оказался с ними в обнимку. И тут же изнутри их троицы раскрутился какой-то стремительный вихрь, всё исчезло: квартира, пришельцы, и его самого тоже не стало, ни рук, ни туловища, ничего. Глухая тишина да бледный приглушённый свет. Как в раннем начинающимся утре. Провал в какую-то

пустоту. Но нет, он почувствовал себя: «Я думаю и вижу… чем я вижу? Меня же нигде нет. Исчезло моё тело, я его не чувствую».

Он повис в пространстве просто одной мыслью. Неизвестно где и непонятно как. Мысли есть, а его самого нет. Растворился, распался, даже пропало то, чем производят эти мысли. Нет самой думалки. Но в то же время рассуждения есть, значит, живёт. Существует. А если вместо него, Егора, остались одни думалки да рассуждения, что тогда получается? Строительство – оно понятнее: фундамент, фасад, стена… перегородки… А тут эта радиоэлектроника, микроскопическая мешанина… На диване не полежать, хотел себе еду приготовить, а куда? Жена вернётся. Интересно, квартира-то осталась? А вдруг он помер?! Тело там, а его душа бродит в горестях по белу свету. Вот так рассуждал Егор, неизвестно где и непонятно чем. Да и вообще – зачем, коли ничего нету.

– Ну что? Освоился?! – раздался чей-то ехидный голос.

– Что это? Кто! Где?! – заволновался Егор.

– Да я же! Блим.

– Блим! Что вы со мной сделали! Куда меня дели! Возвращайте обратно!

– Не переживай, Егор. Ты распался на миллиарды атомов, твоя энергия заключена в био- и электромагнитном поле, и сейчас мы совершим маленькое путешествие.

– А можно, чтоб кожа была и глаза с ушами? Не по-человечески как- то всё. А что за био?

– Всё равно ты не знаешь. Какая тебе разница. Успеешь, вернёшься обратно.

И сдвинулось всё пространство, помчалось быстрее, ещё быстрее. Понеслись блики, сполохи, световые полосы, и Егор почувствовал, что они влетают в некую раскрытую дверь. А далее начался туннель. Где по светящимся сгусточкам они продолжили свой путь. И движение завораживало, хотя и действия его были ограничены, всё равно стало легко и свободно. Хотелось показать свою прыть и желанное стремление к конечной цели. Они попали в какой-то громадный город, в котором все перемещались по определённым правилам, заходя в какие-то здания, заводы, откуда многие возвращались уже другими, с изменённой частотой движения и мощностью, а кто-то и с новым другом (такое замечательное поле, искрится дружбой и расположением поддержки и взаимопомощи). А Дзунь и Блим всегда суетились рядом, помогали ему, подсказывали. И Егор после одного из таких заводов стал заметно медлительнее, но тяжелее, сильнее, чувствовалось, как мощность распирала его разбухшие мускулы. И он всем тяжелым телом, двигаясь, наконец, влился в завибрировавший от его энергии динамик:

– А-а-а-а-а! Я свободен! Какое невероятное счастье почувствовать себя энергией слова! Тем, что многие уши будут воспринимать в своём предназначении. Я болтаю, и я болтовня! Я на празднике, на торжестве свободы слова! Даже тёща и соседка Алевтина Петровна бессильны перед моим

правом выбора, что и как сказать! – неслось звуковой волной по всей квартире.

В это время Елена Герасимовна открыла дверь ключом и вошла в коридор. Дочка послала её на переговоры с зятем. Вернее, она сама приняла решение. Сами понимаете, женская сущность в семье должна немножко главенствовать, а не муж – сходил пива попить. Да и без жены нельзя правильно закрутить шуруп в стенку. Семья – одно целое. Она поставила сумку на тумбочку и принялась снимать туфли. Но одновременно изнутри квартиры послышался дикий вопль с громким продолжением: «Я свободен!»

Елена Герасимовна замерла, икнула, быстро скинула обувь и ринулась в комнату. А оттуда неслось: «Невероятное счастье! Уши будут воспринимать… я болтаю… празднике, торжестве свободы… теща и соседка Алевтина Петровна бессильны!..»

Елена Герасимовна пронеслась по комнате, не увидев никого, на кухню, в ванную, везде было пусто. А голос орал упоённо и задиристо. И только на третий раз, проходя мимо стола, тёща обратила внимание на телефон, который орал, как мегафон на демонстрации. И она сразу поняла, что её зять где-то выпивает. Для начала переговоров подобная ситуация могла оказаться роковой. Поэтому Елена Герасимовна решительно взяла телефон и суровым, чётким голосом начала давать указания:

– Егор! Говорит Елена Герасимовна! Срочно вернись до-

мой, в семью! Прекратить все пьянки, попойки, дешёвые застолья, оставить всех своих собутыльников и идти к жене! Нет сил терпеть такого отношения к семейным устоям…

С другой стороны экрана электромагнитное поле Егор наблюдало за гневным, трясущимся лицом своей тёщи. Её губы властно и презрительно размыкались и смыкались, расширившийся пупырчатый нос периодически, в молчаливые паузы, вдыхал и выдыхал, на лбу подрагивал завиток волос, а уши покраснели. А рядом с зятем, перед экраном, вздыхали и искрились ещё два поля – Дзунь и Блим. Зять, помолчав, ответил, что его сейчас нет в теле и что он поле. На что тёща ответила сарказмом: за ними скоро приедет комбайн. Пытаясь сохранить равновесие, уже все трое стремились убедить женщину в правдивости высказанной теории. Но Елена Герасимовна осталась неумолима: чтоб Егор через полчаса был дома, а они с дочкой зайдут через час.

Вскоре Егор сидел на диване да смотрел на стол. С представителями другой цивилизации Дзунем и Блимом он распрощался и теперь думал: то ли пойти на кухню, самому приготовить что-нибудь поесть, то ли подождать тёщу с женой.

Вика Викина

г. Нижний Новгород

Гиблые земли

Что нахохлился, ворон —
младший брат?
Что ты вдаль глядишь,
не мигаючи?
Аль недоброе чуешь ты в ночи?
Только нет пути мне уже назад…

Забрели с тобой в место странное,
В место гиблое, обжитое злом.
Сердце стало вдруг – оловянное,
Льдом сковало грудь,
взяло на излом.

Утопленница

Страшно, милая, черной полночью,
Черной полночью да в лесу глухом?
Пахнет воздух здесь терпкой горечью,
Терпкой горечью да грехом.

Ветер косы рвет, ветки – по лицу,
Ветки по лицу да наотмашь бьют.
Поутру тебя поведут к венцу:
Не за милого замуж отдают…

Обещала ты и в любви клялась, —
В верности клялась тут, под ивою.
От любви своей ты не отреклась,
Лучше уж принять крест с могилою.

И течет река по немым устам,
Обнимает стан смерть холодная.
Шепчет да поет над волной туман:
«Вот теперь, краса, ты свободная!»

Потянуло враз брыдом горечи,
Мгла холодная лижет по ногам.
Все за часом час ближе к полночи,
Хрубинг-меч звенит, ластится к рукам.

Хрубинг-меч горит синим пламенем,
Сталь каленая на разрыв-траве.
Зачарован он тайным знанием,
В мандрагоровом полыхал костре.

Вышли из болот смерти воины,
И доспехи их тленом тронуты.
С человеческой плоти скроены,
Жизни нет в очах, черны омуты.

Мой клинок в руках яростно запел,
Разрубая тьму, плоть гнилую рвет.
Ворон, черный брат, видно, захмелел,
Стаю вольную он на пир зовет.

Смертью сытая, все звенела сталь,
Силе верная, кровью пьяная.
И струится свет, уходя в спираль,
Растекалася даль багряная…

Карусельщик

В старом парке пустые скамейки.
Дождик нудный прогнал детвору.
Ветер только шуршит по аллейке,
Бестолково гоняя листву.
А по парку разносятся фуги,
Где-то песню шарманка поет,
И летят заунывные звуки,
В тополях разбудив воронье…

Там горят огоньки карусели,
Все по кругу лошадки бегут.
И под вихри цветной канители
Манит к кассе раскрашенный шут.
Карусельщик в пальто обветшалом
Сед и мрачен, годами горбат,
Провожает с ухмылкой усталой
Двух ребят, что пришли в старый сад.

Медный грошик – посильная плата.
Просит младший мальчишка – давай?
За себя заплатив и за брата,
Старший шепчет: коня выбирай.
Вот несутся качели по кругу,
И смеются мальчишки взахлеб,
Корчат рожицы, дразнят друг друга,

Понукая лошадок в галоп…

Каждый круг – год вперед отмеряет,
И старик машет мальчикам вслед.
Карусель жизни блеск забирает,
И спасенья обманутым нет.
«Время кончено», клоун бормочет,
И сползают с коней старики.
Карусельщик-мальчишка хохочет,
Бросив в пыль им двоим медяки…

Прощай, мой светлый эльф

Прощай, любимый мой, прощай,
Твой путь – в далекий край.
Прощай, прощай, мой светлый эльф,
Там ждет тебя твой рай!
Там ждет тебя дворец и трон,
И вечной жизни свет!
Там будешь молод и силен
Ты много сотен лет.
На горе встретились с тобой,
На горе, на беду.
Ты будешь молод и силен,
Старухой я умру.
Я не хочу, чтоб видел ты,
Как буду увядать.
Увы, увы, я – человек,
Тебе ли то не знать?

Прощай, прощай, любимый мой,
Забудь меня, молю.
Забудь о том, как целовал,
Забудь, что я люблю,
Забудь мой голос навсегда,
Забудь сиянье глаз.
А впрочем… Нет! Не забывай!
И вспоминай о нас!

Когда устанешь ты от дел,
Мой золотой король,
Ты вспомни с грустью обо мне,
О девушке простой.
Ты вспомни тяжесть кос моих
И нежные уста…
Ну вот и парус, вот и все,
Прощай, мой принц, пора…

И тает вдалеке ладья,
Тумана тает дым…
Прости, что не призналась я:
Под сердцем бьется сын…

Безмолвие

Белый снег тихо стелется саваном,
Поле бранное скрывший от глаз,
Приоденет он воинов мрамором,
След кровавый упрячет под наст.

Кудри черные выбелит инеем,
На чело наметет серебра,
Будут очи смотреть темно-синие
В небеса, в небеса, в небеса…

И метель погребла под сугробами
Плоть людскую, щиты и мечи.
Меж могил чуть заметными тропами
Бродит Мора, вздыхая в ночи.

Ветер песню поет поминальную,
Выпив чарку хмельного вина.
Отнесет весть на сторону дальнюю,
В высь безмолвную взяв имена…

Луна

Ночь шла, рассыпая сажу,
А с неба луна упала.
Но где отыскать пропажу,
Сбежав, она не сказала.
А звездная свора рыщет,
Вернуть как плутовку в стаю?
И ветер, и звезды ищут,
На землю с небес взирая…
Быть может, спугнули волки,
Что выли, оскалив пасти?
А может, псы драли глотки,
В ночи все единой масти.
Беглянка куда укрылась?
Сорвавшись со пьедестала,
А может, она разбилась?
Когда с небосвода пала…
Но где-то в реке студеной
Осколки луны блистают.
И заново возрожденной
Она возвратится в стаю.

Оксана Гринберга

г. Рига, Латвия

Близкий контакт

На меня смотрели головы – огромные, деформированные, с выпуклыми лбами. Казалось, их с трудом удерживали слишком тонкие шеи, переходящие в худые белые тела без каких-либо первичных половых признаков. Я двигалась от одной фотографии к другой, головы провожали меня взглядами больших мультяшных глаз.

– Ты чего застряла! – рявкнула Ленка в ухо. – Пойдем, нас ждут!

– Кто ждет-то? – растерянно спросила я. Очередная Ленкина авантюра мне совсем не нравилась.

Неделю назад подруга познакомилась с молодым человеком, поразившим ее влюбчивое сердце. Он позвал Ленку на собрание местного уфологического общества. Странный тип, нашел куда девушку пригласить! Меня, после долгих уговоров и нытья, подруга притащила за компанию, чтобы не было так страшно.

Мы вошли в большой зал, где на деревянных стульях чинно сидели человек пятнадцать.

– А вот и представители прессы! – обрадовался хиленький мужичок лет пятидесяти, обладатель седой, на редкость козлиной бородки. Я сразу же окрестила его Председателем. – Отлично! Проходите, милые дамы, присаживайтесь…

– Ты сошла с ума, – зашипела я на подругу, когда занимали свободные стулья. – Какая пресса?..

– Мы же работаем в редакции, – шепотом ответила та. – Ну зайка, ну не сердись! Мне надо было его хоть чем-то зацепить… А то совсем никак…

Я удивилась. Обычно на светловолосую Ленку, обладательницу роскошного бюста и осиной талии, велись мужчины всех возрастов и национальностей.

– Позвольте представиться, – громко произнес Председатель. – Кирилл Дмитрич!

– Елена, – пропела подруга. – А это Кира. Мы журналисты…

Мы в самом деле трудились в редакции популярного женского журнала «Люблю!». Только я – в отделе маркетинга, Ленка – в бухгалтерии.

– А кто у нас герой-любовник? – тихо спросила я.

– Вот, в углу сидит. Зовут Артем… – она кивнула в сторону привлекательного брюнета. – Сейчас говорить будет!

Молодой мужчина лет тридцати вышел на середину зала. Высокий, хорошо сложенный обладатель темных глаз и уверенной улыбки заставил мое сердце забиться чаще. Я вздохнула. Жаль, Ленка первая на него запала. Судя по горящему

взгляду, подруга готова не только слушать его вечно, но и отправиться покорять внеземной разум в указанном брюнетом направлении.

Артем рассказывал об аномальной зоне в Литве, недалеко от местечка Таураге. Раньше там базировались ракетные войска. После развала Советского Союза войска вывели, огромная территория с казармами, бункерами и лабораториями оказалась заброшенной.

В последнее время в тех местах возросла активность НЛО, в народе – летающих тарелок. Артем долго перечислял виды и формы, наблюдаемые над Таураге. Я украдкой зевала, придя к выводу, что внеземной разум, если он существует, тяготеет к геометрическим фигурам разных цветов и увлекается световыми эффектами.

Выловила в сумке наушники. На недовольный взгляд подруги прошипела: «Придушу!» и включила iPod. Закрыла глаза. Музыка лилась, заполняя сознание, стирая грани реальности, унося из пропахшего потом и чужим сумасшествием зала в мир, принадлежащий только мне.

– Послушай, интересно же, – Ленка вырвала из уха крохотный наушник. – Про зеленых человечков рассказывают…

Теперь бубнил хиленький председатель.

– Недалеко от деревни Травичайте были замечены странные существа… Наш контактер Надежда, – он кивнул на полную пожилую даму, сидевшую с нами в одном ряду.

Я подавила смешок. Судя по усталому, осунувшемуся ли-

цу женщины, с выступающими прожилками кровеносных сосудов, в контакт она вступала довольно часто. Преимущественно с алкогольными напитками.

– Надежда получила информацию, что в зоне произошла высадка посланцев с Кассиопеи…

Я закашлялась. А тут весело! Не буду Ленку душить, пусть живет.

– Пришельцы довольно часто идут на контакт с местным населением… Есть свидетельство тракториста, который несколько раз видел идущую по дороге светлую женскую фигуру. Когда приближался, оказывалось, что у женщины вместо лица медвежья морда…

О, местные жители тоже частенько вступают в контакт… Вполне возможно, с галлюциногенными веществами…

– Еще одно свидетельство: к подростку тринадцати лет, игравшему в огороде, подошла высокая светящаяся фигура. Она была более трех метров высотой. Мальчик кинул в пришельца камнем…

Правильно, знай наших! Нечего по чужим огородам шастать!

– У существа в руках появился предмет, похожий на расческу. Подросток испытал чувство неконтролируемого страха и убежал в дом…

Похоже, там пьют все, причем с раннего детства… Придя к такому выводу, я вновь сунула в ухо наушник, погружаясь в мир музыки.

Вынырнула, почувствовав на себе внимательные взгляды окружающих. Ленка, оказывается, встала и что-то проникновенно вещала. «Ой, не к добру!» – подумала я, выдергивая наушники.

– Мы рады, – взял слово Председатель, – что представители прессы готовы присоединиться к нашей экспедиции…

– Что-о? – воскликнула я. На меня уставились пятнадцать удивленных лиц. – Извините, нам надо выйти! – схватила Ленку за руку. – Обсудить организационные моменты…

Подруга покорно тащилась за мной. Выйдя из зала, принялась ныть:

– Кир, ну прости, надо было раньше сказать… Давай поедем, а? Я тебе сиреневое платье подарю…

– Ты мне его и так даешь носить, – я тащила Ленку в туалет. Не душить же рядом с портретами представителей внеземных цивилизаций! – Блин, подруга, ты вообще потеряла ум, честь и совесть, причем одновременно!

– Я с тобой на концерт схожу, – уговаривала Ленка. – На твой этнорок…

– Минимал техно, – автоматически поправила название любимого направления в музыке. – Сдалась ты мне на концерте, весь вечер ныть будешь…

– Я тебе туфли дам поносить… «Маноло Бланик»…

Ого, она достала козырную карту… Неужели брюнет так зацепил? Туфли и в самом деле фантастические, на них ушла почти вся Ленкина мартовская зарплата.

– А я зачем нужна, не понимаю? У тебя любовь, так и поезжай с ним.

– Так он не в курсе, что у меня любовь… – вздохнула Ленка. – Я в полевых условиях найду к нему подход. Кирочка, Кирюсенька, ну поедем…

– Людмила Геннадьевна нас не отпустит, – радостно сообщила я. – У тебя – баланс, у меня – рекламная компания!

К моему ужасу, главный редактор неожиданно заинтересовалась экспедицией, похвалила за инициативу. В апрельский номер срочно поместили анонс предстоящей поездки двух смелых корреспонденток в аномальную зону. Ленка летала на крыльях любви, я мрачно оформляла шенгенские визы.

И вот мы стояли на перроне, ожидая поезд на Вильнюс. В поездку отправились десять человек: Председатель, Артем, контактер Надежда, трое хмурых субъектов, представившихся инженерами-экспериментаторами, экстрасенс и ясновидящая. Ну и мы с Ленкой… Отличная компания для визита к психиатру, надеюсь, на групповые посещения скидки…

Столик плацкартного купе тотчас заставили едой и бутылками с вином. Из недр походных рюкзаков вынырнула гитара, ожила в руках одного из инженеров. Разговоры велись о перипетиях контактов с внеземными цивилизациями. Ленка заняла стратегическую позицию рядом с Артемом, мне стало скучно.

Сославшись на усталость, залезла на верхнюю полку и включила iPod. Мимо проносились зеленеющие весенние леса, маленькие опрятные деревушки… Музыка, созвучная настроению, вибрировала в наушниках. Переплетались звуки, образуя ритмы, рассыпались на ноты… Хорошо бы влюбиться, как Ленка! Мне двадцать четыре, на внешность грех жаловаться, а все еще одна… Артем мне нравился, но у нас с подругой договоренность: Ленка увидела его первой, теперь это ее территория…

На следующее утро приехали в Вильнюс. Теплое майское утро радовало свежестью и запахом распустившейся сирени. На привокзальной площади ждал старенький Икарус, чтобы отвезти к зоне предполагаемого контакта. Загрузились.

– Ну, я пошла, – сказала Ленка, поднимаясь с места. Пересела ближе к Артему. Вновь вынырнула гитара, затянули меланхолическую песню о «Золотом городе». Симпатичный инженер откровенно мне улыбался… Я вздохнула и отвернулась. Не мой герой… На свободное место рядом бухнулась Надежда.

– А можно к вам? – радушно спросила она. – Кирочка, вы так свежи этим утром! Молодость, молодость… Где мои двадцать?..

Я улыбнулась в ответ.

– Вообще-то, мне двадцать четыре.

От Надежды пахло лаком для волос и духами «Рижская Свежесть», которые так любила моя мама.

– Не бойтесь, я не буду вас мучить разговорами о контактах. На месте сами разберетесь. Давайте просто поболтаем?

– Расскажите, как вы попали в группу? – попросила я. Похоже, придется писать материал о поездке самой. От Ленки можно ожидать лишь эссе: «Как соблазнить брюнета в полевых условиях».

Надежда с детства слышала Голос. Сначала он приходил во сне, затем стал являться наяву. Ее пытались лечить, но, видя, что девочка вполне адекватна и хорошо учится, оставили в покое. Голос стал лучшим другом, помогал с уроками, давал советы в сложных ситуациях. Однажды признался, что является посланником с другой планеты… Надежда удивилась. Я бы на ее месте давно прибежала к психиатру за чудо-таблетками… Но она нашла группу уфологов, среди которых не чувствовала себя сумасшедшей.

– Кирочка, а можно на «ты»? – женщина улыбнулась.

Я кивнула.

– У тебя тоже есть способности к контакту. Мне об этом сказал Голос.

Ужаснулась… Они что, меня обсуждали?..

– Думаю, вы ошибаетесь, – пробормотала я.

– Нет-нет! Голос всегда прав… Ты – очень тонкий и чувствительный человек, увлекаешься чем-то, что они считают божественным проявлением…

Музыкой?

– Ты не должна бояться контакта, – продолжала Надеж-

да. – В любой момент можно разорвать связь. Я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось…

– Расскажите мне про вашу группу, – попросила я, уходя со скользкой темы. Ни с кем в контакт вступать не собиралась! Если только с Артемом, да и то, он – собственность подруги…

– У нас много интересных людей. Вот Петрович – народный целитель, к нему очереди на несколько месяцев вперед, – с энтузиазмом начала Надежда. – Лана – ясновидящая, работает в гадальном салоне. Артем…

Интересно, какой диагноз у Ленкиного брюнета?

– Он выходил на контакт с внеземным разумом из созвездия Ориона…

Так, пора срочно спасать подругу!

Надежда болтала без умолку, рассказывая об уфологическом движении и последних экспедициях. Я тихонечко засунула наушник в ухо и выпала из реальности, погружаясь в другую, привычную, где не было пришельцев из других планет, где происходящее ясно и открыто, как альбомный лист с натюрмортом.

После трехчасового блуждания по лесу, мы вышли на большую поляну неподалеку от заброшенных корпусов воинской части.

Палатки ставили мальчики, девочки собирали хворост. Надежда готовила обед на костре. Я вызвалась ей помогать,

проникнувшись симпатией к женщине с Голосом.

Мужчины доставали тяжеленные приборы, открывали персональные компьютеры, раскладывали на солнце пленки, состоящие из множества блестящих зеркальных кусочков.

– Что это? – спросила я у Председателя.

– Солнечные батареи нового поколения, – ответил он. – Собственная переносная электростанция…

Заметив мое изумленное лицо, весело добавил:

– Техника так далеко шагнула вперед, что многие не в состоянии догнать! И я не исключение…

Майский вечер принес приятную прохладу. Активизировались комары. Я накинула тонкую куртку, щедро намазалась противомоскитной мазью. Села у костра, достала блокнот для записей. Мыслей хватило на пару предложений. Все вокруг были при деле. Мужчины дежурили у загадочного аппарата. Ленка крабом вцепилась в руку Артема, делая вид, что ее интересует устройство по фиксированию напряженности электростатического поля. Надежда с Ланой ходили по лагерю с кусками проволоки в руках. Проволока время от времени дергалась, словно в приступе эпилепсии, затем начинала вращаться с огромной скоростью.

Захлопнув блокнот, вернулась в нашу с Ленкой палатку. Заползла в спальник, включила музыку, закрыла глаза.

– Кир, проснись! Ну, просыпайся же! – подруга трясла за плечо. Наверное, я все же задремала. – Блин, Кирюсь, там такое…

Фонарик дергался в ее трясущихся руках.

– Что там? – пробормотала сонно. – Нападение амеб из созвездия Черного Орла?

– Ты должна это видеть!.. Ну скорее же, – она тащила меня за руку. Я вылезла из спального мешка, порадовавшись, что уснула в одежде. Поползла за Ленкой к выходу.

На звездном, чистом небе творилось светопреставление. Яркой россыпью носились светящиеся шары, постоянно меняя формы – превращаясь в эллипсы, треугольники, квад-

раты, отделяясь друг от друга, затем сливаясь в огромный шар. Давящая тишина пугала больше, чем происходящее в ночном небе. Я слышала лишь тяжелое дыхание подруги за спиной.

– Кир, что это? – шептала она. – Ну что за ерунда?

– Наверное, летающие тарелки…. – пробормотала я. – А может, демонстрация силы американских ВВС…

– Мне страшно… – заскулила Ленка.

В неясном свете от костра я видела, как мужчины деловито крутились возле приборов. Мелькали вспышки камер. С разинутыми ртами стояли, похоже, только мы с Ленкой. Надежда и Лана, замерев неподалеку, тянули к небу руки, делая странные пассы.

Затем я услышала музыку. Странная, завораживающая, самая красивая из когда-либо существовавших на Земле. Она текла мимо меня, через меня, как полноводная река посреди пустыни. Переливы мелодии окутывали, лишая возможности сопротивляться, манили, звали за собой. Я закрыла глаза, погружаясь в божественные звуки. Затем пошла…

– Ты куда? – взвизгнула Ленка. – Кирюсь, ты меня пугаешь!..

Я шла к Источнику. Туда, где рождались звуки, переплетаясь в могучий поток, из которого не хотела выходить, в котором могла существовать вечно…

– Пусть идет, – откуда-то издалека, словно из тумана, в сознание проник срывающийся голос Надежды. – Это кон-

такт…

Я шла по ночному лесу, увлекаемая музыкой. Переступала через ветви, обходила овраги, перелезала через поваленные деревья. Источник, казалось, находился рядом. Я не видела в ночной темноте, но ощущала его присутствие. Он пульсировал, бился, словно сердце живого существа. Музыка вела, не давая сбиться с пути. Наконец я остановилась.

Впереди находилась светящаяся сфера размером с одноэтажный дом, голубые сполохи пробегали по ее поверхности. Внутри я различала контур тонкой фигуры, похожей на человеческую… Сфера вибрировала в такт музыке…

Я подошла ближе… Хотелось дотянуться до нее, до существа, поблагодарить за чудесную музыку, что подарили мне… Страха не было, разве может причинить вред то, что рождало столь великолепную мелодию? Я протянула руку, касаясь вибрирующей поверхности… Больше ничего не помню.

Щелчком включилось сознание. Ужасно болела голова, тело ломило. На долю секунды пожалела, что пришла в себя… так быстро. Открыла глаза. Я лежала в палатке, и подруга сидела рядом. Сквозь затянутое пленкой окошко проникал тусклый утренний свет.

– Ну ты напугала меня! – нервно сказала Ленка. Я пошевелилась и застонала.

– Очнулась, – подала голос Надежда. Что она здесь дела-

ет? – Как чувствуешь себя, деточка?

– Как сказать, чтобы никого не обидеть, – пробормотала я. Слова давались с трудом, во рту пересохло. – Ужасно голова болит… Там, в рюкзаке таблетки…

– Зачем таблетки? – удивилась Надежда. – Сейчас Петровича позову. Он же целитель…

Она поползла к выходу, затем остановилась, повернулась ко мне:

– Кирочка, не переживай! Первый контакт, он забирает много сил… Но ведь было фантастично?

Я кивнула и поморщилась от головной боли.

– А что вообще было? – переспросила Ленка, когда Надежда выползла из палатки… – Ты зачем в лес побежала?

– Музыка… – пробормотала я. Рассказывать о происшедшем не хотелось. – Самая красивая, которую когда-либо слышала…

– Да ну вас! – рассердилась подруга. – То Артем с дурацкими приборами носится, то ты по лесам бегаешь!..

Она решительно поползла к выходу. Наверное, курить, чтобы успокоить нервы. Откинулся полог, ее место занял Семен Петрович, собственный целитель экспедиции. Бородатый, деревенского вида мужчина присел рядом, пощупал пульс.

Ну, что имеем? – произнес он, заглядывая мне в глаза… – Пробой контура ауры, энергетическое истощение… Но ничего, ничего… И не такое бывает…

– А какое бывает?..

– Случалось, и день без сознания лежали после первого контакта. Но потом привыкаешь… Дальше пойдет легче. Закрой глаза!

– Не собираюсь привыкать, – пробормотала я, но глаза закрыла.

Жар от его рук забирал боль, уносил усталость. Через несколько минут Петрович ушел, посоветовав хорошенько выспаться. Я лежала в палатке, ожидая Ленку. Хотелось спать, сбежать домой и вновь услышать прекрасную музыку… Кто-то заполз в палатку, сел рядом. Я открыла глаза…

– Привет, – сказал Артем. – Как себя чувствуешь?

Я удивилась. Вообще-то, по сценарию сейчас он должен утешать подругу, но, похоже, кто-то плохо выучил роль.

– Уже лучше… Петрович заходил, голова больше не болит.

– Он молодец, – похвалил Артем. – Расскажи, как это было…

Я взглянула в темные, как ночь, глаза мужчины. Какой же красивый… Почему так тянет к тому, что нельзя?

– Сначала была музыка, самая прекрасная и совершенная из того, что когда-либо слышала… Я пошла к источнику… Дошла до странной сферы… Внутри увидела светящееся существо, похожее на человека. Мне показалось, он протягивает руку… Я коснулась сферы и очнулась уже в палатке.

Краткий пересказ, не передающий истинных ощуще-

ний…

– Мы беспокоились… Я очень беспокоился, – признался Артем. – Но Надежда запретила идти за тобой, говорила, что помешаем контакту… Мы с Кириллом все же пошли. Я нашел тебя уже без сознания. Прости…

Он взял меня за руку. Я хотела отобрать, разрушить атмосферу доверия и ощущение… близкого контакта между нами. Не смогла… Да простит меня Ленка!

– Кир, знаешь, у меня однажды был похожий опыт… Всего один раз, но это один из самых прекрасных моментов моей жизни…

Раздвинулся полог палатки. У нас что, Дворец Съездов? На меня удивленно смотрела подруга, удивление на ее лице сменилось недоумением… Вот черт, Артем держал мою руку в своей!

– Вы как-то быстро договорились! – прошипела она.

– Лен, постой! Ты неправильно поняла!..

Но она уже исчезла из палатки.

– Мне кажется, она все поняла правильно, – улыбнулся Артем, внезапно прижимая мою руку к губам. – Давно хотел тебе сказать, но… получилось вот так.

– Уходи, – попросила я, отнимая руку, сдерживая слезы. – Сделаем вид, что ты ничего не говорил, а я не слышала…

Он покачал головой, наклонился и коснулся губами моей щеки. Не знала, что прикосновение может быть таким… пронзительно чувственным.

– Отдыхай, – сказал Артем, – все идет так, как и должно… Это ведь зона, за нами присмотрят…

Весь следующий день Ленка со мной не разговаривала. Я ходила за ней, уверяя, что между нами ничего не было, пока сама в это не поверила. Артема всячески игнорировала. Мужчин много, а подруга у меня одна. Будут еще… Артемы. От этой мысли становилось плохо, хотелось выть на Луну. Луны не наблюдалось, лишь солнце жарило по-летнему.

Вечером мы сидели около костра, ожидая повторения вчерашнего. Но приборы молчали, рамки в руках экстрасенсов уныло покачивались от порывистого ветра, не фиксируя аномальной активности. Пожелав всем спокойной ночи, я отправилась в палатку. Пришла Ленка. Мы усиленно делали вид, что спим… Наконец тяжелую тишину нарушил голос подруги.

– Я тут подумала, – начала она. – В общем, если он тебе нравится – забирай! Не нужен он мне, фрик полнейший… А тебе как раз подойдет, – она хмыкнула. – Вижу, как вы друг на друга смотрите… Мурашки бегают, то ли от радости за вас, то ли от зависти…

– Лен, у нас ничего не было, – сотый, а может, тысячный раз повторила я. – Завтра он обязательно…

– Завтра я домой поеду, – решительно перебила подруга. – Так что оставляю его в полнейшее распоряжение.

Она застегнула до конца спальный мешок и отвернулась. Я лежала, открыв глаза, думая над ее словами, пока незамет-

но уснула.

Меня разбудила музыка, доносившаяся снаружи. Она вновь звала за собой. Я тихо выползла из спальника, чтобы не разбудить подругу, выглянула из палатки. На светлеющем небе россыпью носились светящиеся шары, бросая неровные блики на еще ночной лес. Костер давно догорел. Похоже, все спали, хотя музыка звучала громко. Я выползла из палатки и пошла на зов.

Я шла вперед, чувствуя, как впиваются маленькие камни и хвоя в босые ноги. Музыка уносила волнение и тревогу. Сфера находилась на берегу ручья, ближе, чем в первый раз. Я бесстрашно дотронулась рукой до ее поверхности. Почувствовала приятное покалывание в ладони и кончиках пальцев. Сфера внезапно раскрылась, приглашая войти. Внутри находилось странное светлое существо, похожее на тех, что я видела на фото. Только, в отличие от мультяшных глаз, на меня смотрели мудрым, понимающим взглядом.

Помедлив, я ступила вовнутрь. Повернулась и увидела, как стенки сферы смыкаются за моей спиной. Тонкое, высокое существо тянуло ко мне четырехпалую руку… Внутри сферы билась, бушевала музыка. Мы парили, подхваченные ею, окруженные разноцветными сполохами света. Я доверчиво протянула руку. Наши пальцы соприкоснулись….

– Кира, Кирочка, – мужской голос. – Приди в себя! Очнись…

Он не приказывал, он просил, умолял. Я слышала тревогу

и боль. Открыла глаза.

Надо мной склонился Артем.

– Все в порядке, – пробормотала я. – Все хорошо…

Оказывается, я лежала на полянке, на одеяле, в тени большого дерева. Судя по солнечному свету, уже далеко за полдень.

– Слава Богу! – Артем подхватил на руки, не стесняясь, прижал к груди, поцеловал в макушку, в щеки, глаза. – Господи, как ты нас напугала! Мы искали тебя всей группой! Нашли, опять без сознания! Почему не сказала, что уходишь?

– Музыка, – призналась я. – Я вновь услышала музыку. Она звала меня…

– Два контакта за короткое время, – покачал головой Петрович, присаживаясь рядом на одеяло. – Девочка, ты себя угробишь…

– Больше никаких ночных похождений! – рявкнул Артем. – Жить будешь в моей палатке! Не обсуждается!

Я смотрела на него, он на меня… Мы, подозреваю, думали об одном и том же. Какие возражения, когда в сознании билась, пульсировала лишь одна мысль – как дожить до этой ночи?

Петрович приложил руки к моей больной голове. Тепло потекло, снимая усталость и тревогу… Тревогу? Что-то важное случилось в сфере, это существо… Оно сказало что-то важное, тревожное…

– Эй, влюбленные! – крикнула Ленка. – Слушайте, а меня

кто-нибудь проводит до ближайшего автобуса? Хочу на вечерний поезд успеть!

Поезд! Что-то связанное с поездом!

– Артем… мы должны уезжать! – пробормотала я. – Срочно, сегодня же! Случится что-то плохое, связанное с поездом и этим местом…

Он молчал, слушая меня. Жестом позвал Председателя, крутившегося около костра.

– Я… у нас был контакт, – продолжила я под внимательными взглядами мужчин. – Это существо… Просил передать… Мы должны срочно покинуть зону! Они тоже закончили исследования и улетают. Здесь есть что-то такое, что должно быть стерто с лица Земли. Он мне показал картинку, но я не поняла… Бункер или что-то еще…

Зажмурилась. Неделю назад я бы определенно побежала к психиатру за таблетками… Но сейчас мне хочется, чтобы мне поверили!

– Этот лес в ближайшее время будет уничтожен, – выдохнула я.

Подошла Лана, молодая гадалка салона «Кассандра». Достала колоду Таро, раскинула на пестром платке, стянутом с шеи.

– Тринадцатый аркан, перевернутый, – бормотала она, тонкие пальцы бегали по раскладке, едва касаясь потертых карт с выцветшими картинками. – Бедствие, разрушение… Даже смерть…

– Собираемся! – сказал Председатель, поднимаясь. – Причем быстро…

Прилив благодарности затопил меня. Эти люди… они поверили мне!

Через два часа, сложив приборы и собрав палатки, наша экспедиция двинулась в сторону ближайшей деревни. Мы попытались предупредить жителей, но никто не поверил. Доказательств, кроме смутных воспоминаний о контакте и перевернутой карты с фигурой в черной рясе, сжимающей в руке косу, у нас не было.

Вечером, когда мы подъезжали на автобусе к Вильнюсу, на железнодорожной ветке Таураге-Шауляй столкнулись два грузовых поезда. Перевернулся состав с нефтью, следовавший на нефтеперерабатывающий завод в Мажейкяй. Несколько деревень эвакуировали, объявили экологическую катастрофу. К счастью, из местных жителей никто не пострадал.

Три месяца спустя

Я сидела на стуле, вставив в уши наушники, и усиленно делала вид, что слушаю, о чем говорил Председатель. Я чувствовала себя абсолютно счастливой. Мы с Артемом собирались пожениться в конце сентября, затем отправлялись в путешествие в Египет.

Артем толкнул локтем, я виновато вытащила наушники.

Заметил!.. Он шутливо погрозил пальцем. Мы присутствовали на собрании в нашем уфологическом центре. Мне нравилось быть рядом с друзьями.

– Пришло еще два подтверждения, – бубнил Председатель. – От контактеров из Москвы и Симферополя… Да, космический корабль находится именно под пирамидой Хефрена… Сейчас мы работаем над тем, чтобы получить разрешение на раскопки…

Голос председателя вгонял в зевоту. Вряд ли дадут разрешение копать под архитектурным памятником… Но мы все равно отправлялись с друзьями в Египет… И, может, вблизи пирамид я вновь услышу чудесную музыку, и из светящейся сферы протянет четырехпалую руку неизвестное, но прекрасное существо…

Ольга Грэйс

г. Ростов-на-Дону

Джели
или (архитектурные казусы)

Часть 1

Каждая временная эпоха отражается архитектурными творениями в облике городов. Особая динамичность процесса строительства наблюдается в мегаполисах. Время стирает с лика крупных городов домики, возведенные на скорую руку, оставляя для потомков монументальные постройки.

В XX веке архитектурное развитие пошло в сторону симбиоза. Если *Архитектура как скульптура* родила Гауди и Ле Корбюзье, то *Архитектура как инженерия* породила направления функционализма и хай-тека, который вошел в моду с 1980-х гг. Так называемые «банковские соборы», подчеркивающие имидж крупных коммерческих фирм, демонстрируя престижность и дороговизну, теперь не удивляют привычного глаза жителей. Но вот архитектурные направления

био-тек и эко-тек, рожденные хай-теком с 1990-х г.г. на Западе, только сравнительно недавно стали приживаться в отечественной архитектуре.

* * *

В пятницу после ужина я предложила мужу: «Давай сходим завтра на экскурсию в новый недавно открывшийся торговый центр, посмотрим на эту «лягушку». Даже если в субботу будет хорошая погода, все равно на дачу ехать бесполезно, там после дождей грязь, ногой не ступить. Не пропадать же выходному? Возьмем с собой внука, ему тоже интересно будет». Муж, пожав плечами, сказал: «Ну, как скажешь. Если хочешь, поедем, посмотрим, чем отличается этот Центр от других, которых понастроили в каждом районе города».

Благодаря СМИ многие знали, что именно это здание было конструктивно оригинально и не шло ни в какое сравнение со всеми существующими, имеющими форму примитивных ангаров. Не прошло и года, как на месте задекорированной балки в центре города быстро выросло строение, сочетающее в себе признаки симбиоза архитектурных стилей: био-тека, поскольку своим видом сверху оно напоминало лягушку, устроившуюся на дне «гнилой балки», как называли это место в народе, и хай-тека, с применением характерных форм и материалов, таких как кубизм, конструктивизм, стекло и бетон.

– Кстати, я как-то читал в местной газете мнение специалистов, что копирование природных форм не приносит положительных результатов, так как в архитектурных сооружениях появляются нефункциональные зоны, – вспомнив, добавил к сказанному муж.

– Но в этом здании присутствуют еще и признаки архитектурного функционализма, – не соглашалась я с наличием каких-то там зон. – Когда проезжаешь мимо по проспекту, то явно просматриваются характерные стандартные секции, а торцы здания выходят к улице, – аргументировала я.

– О, бабушка села на своего конька, удивляя нас познанием архитектуры, – заметил внук, собираясь ложиться спать.

Я поймала себя на мысли, что озвученные мужем «зоны» зацепились в подсознании, а мой мозг уже плодил аллегории, связанные с этим словом: «А ведь этот Центр стоит в балке – зоне энергетического разлома, недаром наши предшественники обходили стороной это место, назвав низину «гнилой». К тому же научно установлена возможность определенного рода излучений, исходящих из подобных мест, способных оказывать влияние на мозг человека.

Мои тревожные подозрения как всегда развеял муж, когда я с ним поделилась, недаром при случае я называла его «кладезь знаний».

– Еще писали, что при его проектировании использовались уникальные технологии, – добавил он, чтобы успокоить меня.

– Чем же они уникальны? – опередил своим вопросом внук – любознательный школьник.

– Да вот, говорили, что московские проектировщики придумали там какой-то лифт наподобие стебля растения, с овальными пустотами. Также при строительстве коридоров, названных в народе «лягушачьими лапками», применялись технологии перспективного направления, заимствованные у глубоководных моллюсков. Какие-то слоистые конструкции, т. е. чередование жестких и мягких пластин. Если треснет жесткая пластина при деформации почвы, учитывая грунт низины балки, то за счет мягкой трещина не пойдет дальше.

– Видишь, как интересно, а ты еще сомневаешься, ехать завтра нам туда или нет, – подвела я черту в конце разговора.

Часть 2

В центральном холле было людно. Все, включая нас, словно слепые котята, плохо ориентировались внутри этого огромного строения, уходящего тремя этажами вниз и возвышающегося большей своей частью над землей, к тому же распростершегося еще по обе стороны четырьмя рукавами. Сам Центр представлял собой комплекс торговых, развлекательно-увеселительных и бытовых услуг. Прочитав длинный перечень указателей, которые постоянно путались в голове, мы, как и все, направились к лифту, рядом с которым образовалась внушительная очередь. Кто-то сказал, что вто-

рой подобный лифт тоже работает, хотя еще официально не введен в эксплуатацию. Кстати, в Центре только приступили к освоению площадей. Несмотря на то, что заполненные помещения ждали своих посетителей, параллельно продолжали еще вестись отделочные работы в других залах. Одна молодая чета, не желая долго стоять в очереди, направилась искать второй лифт. Немного помешкав, и мы за ними. Когда повернули за угол коридора, лифт уже закрывал створки дверей за нашими предшественниками.

– Жалко. Не успели. Надо было попросить подождать, – досадливо заметила я.

– Да пусть едут, зачем тесниться. Зато людей здесь нет, – ответил муж.

По всему было видно, что эта тыльная часть холла находилась в стадии отделки, однако рабочих не было, возможно, у них был тоже выходной. Вскоре лифт открыл перед нами невзрачные черные металлические створки, впуская в такие же неприглядные свои маленькие внутренности нас троих, не считая маленькой пушистой черной собачки, которую мы часто брали с собой, идя на прогулку.

Вместо привычных цифр с номером этажа, на щитке лифта были кнопки со значками. Среди них узнаваемый знак «приблизительно» в виде двух волн, точка в квадрате, кружок на палочке, буква G и еще более замысловатые и неузнаваемые.

– Что за модернизм? Куда давить-то? – соображала я в

нерешительности.

– Нашла проблему? Отсчитай снизу нужный номер этажа и дави. Не успели, наверно, еще нарисовать цифры. Тут все «недострой». Слишком рано они его открыли. Лишь бы отрапортовать, – ответил муж.

Нажала пятую снизу кнопку с кружочком на палочке над двумя волнистыми линиями в надежде попасть на пятый этаж, следуя указателю в фойе холла, двери тут же сомкнулись, и мы в темноте из-за отсутствия в нем освещения быстро переместились. При этом кабинка дернулась, странно сотрясаясь, приостановилась и стремглав двинулась опять, почему-то повалив нас в левую сторону. Не успела я произнести вслух: «Боже. Что это было? Мы же вверх, но почему чуть не упали влево?», – как показался просвет через открывающие двери нашего средства передвижения.

* * *

– Странно, администрация, составившая указатель внизу, явно что- то напутала. Где обещанный комплекс бутиков с фирменными товарами? – недоумевала я.

– Может, их здесь только начали размещать, – предположил супруг.

Мы оказались в коридоре, окаймленном с обеих сторон прозрачными перегородками, которые разделяли помещения на сектора.

– Вон, видишь, уже подготовлены залы для твоих бутиков, – указал муж на них.

– Что-то непохоже. Смотри, там справа люди в синих халатах что-то делают, склонившись за маленькими станочками, сидя за столами, установленными в ряд. Вон там, за стеклом в другом помещении, впереди слева, расставлены непонятные большие приборы, – не соглашалась я с мужем, двигаясь по коридору, крутя головой то направо, то налево, – это больше похоже на какой-то цех. Тебе не кажется, что в этом центре много странного?

– Ладно, любительница загадочного, пошли отсюда. Сама давила на кнопки в лифте, а теперь удивляешься, куда нас завезла, – с примесью доли юмора постарался, как обычно, снять с себя ответственность мой благоверный.

– Но на каком же мы этаже? – продолжала я размышлять вслух. – Держи собачку, и ждите меня здесь, а я спущусь пешком этажом ниже для ориентации, – предложила своим родным, увидев лестницу в конце коридора, чтобы опять не наугад нажимать странные кнопки.

* * *

Передо мной любезно распахнулась стеклянная непрозрачная дверь, как только я оказалась этажом ниже, легко и быстро сбежав по широкой лестнице. Не увидев номера этажа на лестничной площадке, я шагнула в открывшееся

пространство и замерла от неожиданности. Чудеса продолжались.

Широкий, почти квадратный по размерам холл был весь заставлен рядами детских кроваток. Чистота и порядок в сочетании с бело-голубыми тонами помещения, начиная от темно-голубых стен, включая бледно-голубые маленькие одеяла на белых кроватках, шокировали меня настолько, что я стояла в полной нерешительности что-либо предпринять. «Не понимаю! Теперь вся эта картина визуально имеет сходство с домом малюток или детским отделением в больнице. Тихо и никого. Интересно, что там, под детскими одеяльцами?» – молча анализировала я ситуацию.

Вдруг зашевелилось голубенькое покрывало на ближайшей ко мне кроватке, и маленькие ручонки, медленно стягивая его, рождали передо мной образ детской головки. Вскоре некий светловолосый ангел беззвучно взирал на меня, подкупая своей грустной улыбкой. Подняв ручонки, обращенные ко мне, по виду двухлетний ребенок словно просил забрать его отсюда. Мое сердце дрогнуло, и я потянулась к этому созданию. Но тут из узкого коридора с противоположной стороны помещения вошла строгая патронажная дама, то ли медсестра, то ли воспитатель, сложно определить, не зная статуса данного учреждения. На ней был голубой халат и синяя шапочка, которые обычно носят медики. Резко и властно она приказала мне немедленно покинуть эту комнату, жестом указывая на узкий коридор, откуда сама появи-

лась. Ее широко раскрытые глаза одновременно демонстрировали недоумение по поводу моего здесь появления. Гипнотический тон женщины повлиял на мой рассудок, как я позже объясняла свое поведение, иначе почему вдруг, повинуясь ей, я быстро засеменила по указанному направлению, а не вернулась туда, откуда пришла. Проходя мимо нее, я спиной ощущала сверлящий угрожающий взгляд, придавший мне ускорение. В плохо освещенном коридоре быстро по обе стороны проносились, не оставляя следа в памяти, картины в рамочках с синей подсветкой на стене, усиливая впечатление загадочности места, которое я быстро покидала.

Когда опять сами открылись двери из толстого гладкого материала матового цвета, я вышла на вечернюю широкую городскую улицу. Теперь уж точно ничего не понимала, а в голове играли в чехарду противоречивые мысли: «Почему уже вечер? Как же мои, и где они? Что это было?» и т. п. На освещенной фонарем безлюдной остановке стоял автобус. «Быстрей, а то уедет. Надо поспешить домой, там мои заждались, волнуются, куда я пропала», – размышляла я, подбегая к модерновому автобусу на высоких колесах, все еще окончательно не осознавая разумность происходящего. Стоило войти и сесть на свободное сидение, как транспорт бесшумно и быстро поехал, словно ждал именно меня. Огни реклам и фонарей мелькали по обе стороны автобуса в основном оттенками красного цвета, которые вывели меня из состояния заторможенности, в котором я пребывала после

того, как двери коридора закрылись за моей спиной.

«Какой номер этого маршрута?» – вдруг опомнившись, поинтересовалась я, обращаясь к женщине на первом сидении. Она не ответила. Покрутившись по сторонам, не узнавая район, возможно, из-за быстро сменяющегося городского пейзажа, завуалированного вечерними сумерками, я испугалась: «Почему он едет так быстро и без остановок?»

Вскоре, повернув на совсем темную улицу, водитель остановил свой транспорт и открыл двери. Со мной вышли еще две женщины с передних мест. Осмотревшись, я схватилась руками за голову, желая завыть долго и протяжно. «У меня едет крыша», – многократно повторялась в голове мысль, облеченная в словесный молодежный сленг и, словно мини-торнадо, готовилась сорвать эту «крышу», т. е. голову. А было от чего. Теперь я находилась на улице, замощенной гладким булыжником. Вокруг каменные дома с такими же заборами и тусклыми фонарями, над сводами тяжелых калиток, освещающими лишь вход в эти монолитные миникрепости.

Пока я, как загнанный волк, озиралась по сторонам в этом мире, напоминавшем средневековье, мои спутницы уверенно шли вперед. С мыслью, что они знают, «куда» и «где», глядя на их спокойствие, я побежала за ними и почти догнала, как вдруг слева из-за поворота показалась женщина в черной накидке. Она взяла под руку ту, которая выглядела моложе и имела внешнее сходство с цыганкой, подмечен-

ное мной еще в автобусе, и повела ее в тот переулок, откуда пришла. Мы, не проронив ни слова, стояли и смотрели вслед уходящим. Оставшаяся женщина лет около пятидесяти чисто славянской внешности, облегченно выдохнув: «Ну что ж, теперь и мой черед», – уверенно пошла вперед. Я стояла, пытаясь все- таки осознать происходящее, смотрела на удаляющийся ее силуэт в этой исторической тьме, и поняла, что мне надо «делать ноги», пока не поздно.

Как хорошо, что я успела стремглав заскочить на ступеньку отъезжающего автобуса, с силой выдохнув:

– Назад, слышишь, назад! Куда ты меня завез? Мне домой надо!

Водитель невозмутимо ответил, закрывая двери:

– Человек – хозяин своей судьбы. Делать выбор – его право. Главное – очень захотеть.

Все мои последующие вопросы в негодующем тоне он игнорировал, лишь скупо добавил, когда я выдохлась:

– Я чувствовал, что Вы сюда как-то случайно попали, поэтому ждал.

Выпустив меня у самых дверей одного из нескольких входов в Торговый Центр, водитель подарил на прощанье добрую улыбку.

* * *

Я опять металась по непонятному пустому помещению

в поисках лестницы в надежде вернуться к тому месту, где оставила своих. Обнаружив в одной из ниш стены лестничную площадку, я быстро преодолела один марш за другим, с трудом переводя дыхание. От волнения сбилась со счета открываемых дверей, ведущих на этажи. Когда увидела оставленных в ожидании своих родных, заглянув за угол очередного этажа, муж произнес, как ни в чем не бывало:

– Ну, узнала номер этажа?

Мы возвращались к лифту, а я молчала, мне казалась, что я нахожусь одновременно в двух не совмещающихся состояниях: эйфории – счастье и восторг, что нашла своих, – и некой прострации – расслабленности и упадка психической активности от непонимания ситуации.

– Что это ты сама не своя? – спросил муж, заходя в лифт. – Нажимай. Куда едем сейчас? Или пошли уже домой?

– Домой. Как я хочу домой! Но туда надо еще попасть, – думала я, не желая разговаривать. Меня не покидало чувство, что осуществить это будет не просто, и надавила, не глядя, нижнюю кнопку лифта с нарисованной буковкой «G».

* * *

Когда двери лифта открылись, собачка в руках внука, подергивая на весу лапками, радостно тявкнула, обрадовавшись возможности побегать на свободе. Внук проканючил:

– Так что, бабушка, мы уже идем домой?

– Сомневаюсь, – ответил муж, стоя с удивлением, осматривая улицу, на которой мы оказались, выйдя из лифта. – Ничего не понимаю, где мы?

Таких улиц в нашем городе я не видела: узкая, чистенькая, окруженная аккуратненькими домиками, плотно стоящими друг к другу с уходящими вверх остроконечными крышами. Деревьям и тротуарам тут не нашлось места, учитывая ее ширину. Собачка, спрыгнув вниз, побежала вперед, мы за ней, а когда ее поймали, не увидели позади себя ни здания Центра, ни злополучного лифта, доставившего нас сюда. Все вокруг свидетельствовало об отсутствии каких-либо признаков привычного мира.

– М-м-м… да! – изрек мой муж, топчась на месте.

Я, уже адаптированная к происходящим метаморфозам, дернула за рукав мужа, выводя его из оцепенения:

– Пошли.

– Куда? – проронил он минуту спустя.

– Вперед, искать выход. Сам говорил, что выход есть всегда.

Улочка прибалтийского типа, закругляясь налево, тянулась с небольшим уклоном вниз. Муж шел быстро, возможно, от перевозбуждения, а мы еле поспевали за ним. Вскоре поравнялись с человеком, неспешно следовавшим впереди в том же направлении. Он был похож на викария, первое, что пришло мне в голову, учитывая его облачение.

– Давай спросим его, – обрадовалась я, увидев местного жителя.

– Не надо, пошли быстрей, – сопротивлялся муж, поче-

му-то отвергая мое предложение, но я не послушалась.

– Скажите, что это за место? – остановилась я напротив священнослужителя. Его оценивающие глазки просканировали нас, и он, демонстрируя еле заметную появившуюся улыбку, показал налево, предложил следовать за ним. Если прямая асфальтированная дорога, по которой мы шли, плавно переходила в мост над мелкой низменной речкой, затем стрелой устремлялась куда-то вверх, то ответвляющаяся влево грунтовая тропа тонула в зелени речной поймы и, вероятно, вела к маленькой церквушке с белым куполом и шпилем на ней.

Тут священник обронил загадочную фразу:

– Сами потом узнаете, дети мои, а пока от вас требуется смирение.

– Да что ты с ним, пошли быстрей. Сами разберемся, – раздражаясь, произнес муж, ускоряя шаги, продолжая следовать к мосту.

Поняв, что мы не захотели добровольно принять его приглашение, этот странный мужчина неожиданно выхватил собачку из рук ребенка и метнулся к тропинке вдоль берега. Я с внуком – за ним. Поскольку все происходило быстро и молча, я даже не успела окликнуть супруга, не подозревающего о происходящем за его спиной. Священника я настигла в кустах под мостом, схватив за рукав в надежде забрать своего Тобика. Противный мужичок, ехидно улыбаясь, развел руками:

– Ан нету. Найдете – ваше.

– Да что Вы себе позволяете? – выпалила я от возмущения.

– Бабушка, смотри, – указывал подбежавший внук на кусты, под которыми лежали несколько белых ягнят.

Я активно принялась за поиски своего черного маленького друга среди отдыхающих животных, заставляя внука подлезать под низкие ветки. Под боком одного из ягнят виднелось пристроившееся дрожащее существо, судя по трясущемуся хвостику, выглядывающему из зелени растений. Оно было странной расцветки, шерсть белая, как у ягненка, а хвост – черный и по форме похож на хвостик нашей собачки.

– Тобик, Тобик, – схватила я его, ощущая мелкую дрожь безвольного тела животного.

Да, это был он, но весь, кроме хвоста, белый, и не реагировал на нас. Я взяла на руки обездвиженное и обмякшее его тельце.

– Что вы с ним сделали? – сотрясала я собачкой под носом у «Мефистофеля», который рядился в рясы священнослужителя.

– Задержись, и я скажу, как его спасти, – ехидно ответил викарий- оборотень.

– Давай, только быстро, – ответила я, переживая, что муж может далеко уйти, имея привычку в минуты осмысливания решений сосредотачиваться на своих мыслях, не замечая, что происходит вокруг.

Церковнослужитель медленно полез рукой под рясу и достал оттуда какую-то штучку, похожую на каучуковый чехол черного цвета, отдаленно напоминающую форму языка.

– Видишь, снаружи он гладкий, а внутри поверхность шершавая, губкообразная, – медленно отворачивая край, демонстрировал он некий футлярчик. – Если ввести эту штуку в рот и куснуть с гладкой стороны, оцепенеешь; с шершавой – обратный эффект. Даже мертвых оживляет, – лукаво подмигнул он, не выпуская из рук эту штучку.

Мне некогда было продолжать с ним дипломатическую беседу, поэтому я резко выхватила то, что привело Тобика в непонятное состояние, и, схватив за руку внука, побежала по тропинке вверх на мост, но там мужа уже не было.

– Поздно, поздно, – пульсировали жилки на висках, и обида сжимала горло: «Где он? Что делать?». Дорога в сторону горизонта была безлюдной и залита лучами заходящего солнца.

– А где дедушка, куда нам теперь? – напугавшийся внук теребил меня, не менее обескураженную, чем он.

Я понимала, что мне нельзя падать духом, ведь со мной уже происходили здесь невероятные события, и пора бы перестать впадать в оцепенение.

– Вначале надо попробовать спасти собачку, если не обманул тот мужчина, – проговорив вслух, делая себе установку, я достала из кармана спортивных брюк черный футлярчик, вывернув его, вложила в рот Тобику, сдавив руками его

пасть.

– А ведь не обманул, – обрадовалась я, когда собачка задергалась, проявляя активность, затем встала на лапы, довольно виляя хвостом, крутилась у наших ног.

– Иди, ищи дедушку, веди нас, – приказал ей внук.

Словно поняв, что от нее требуется, собачка уверенно побежала, а мы за ней. Свернув на дорогу, уходящую вправо, мы почувствовали запах моря, а вскоре вышли к побережью, скрывавшемуся за небольшими сопками. Камешки, галька и бетонные плиты подвели нас прямо к бухте. Низкое солнце играло лучами с барашками волн в прибрежной части. При виде множества людей, которые почему-то здесь скопились, периодически посматривая в сторону горизонта, зародилась надежда.

– Может, дедушка здесь? Смотри внимательно, – сказала я внуку, переходя от одной группы людей к другой.

Казалось, люди обосновались здесь надолго, устроившись, как могли. На двух деревянных поддонах, принесенных откуда-то, кучно сидели взрослые, тут же, на третьем – спали два ребенка, кто-то устроился на кусках картона. Всякие подручные средства, не исключая мусор, были ими использованы, чтобы обезопасить себя от охлаждения и сырости побережья. Мы перешагивали через лежащих, вглядываясь в лица, полные печали и отчаяния.

«Зачем они здесь?» – подумала я, но меня больше всего беспокоил только супруг. Оказалось, его и здесь не было. Те-

перь и меня охватило отчаяние. Я снова и снова возвращалась к людям, дотрагиваясь до них, стараясь заглянуть в лицо каждого, хотя и так по внешним признакам было видно, что это не он, а мне все не верилось, потому что страшно терять последнюю надежду. Уже и тапочки намокли от хождения по сырой гальке у самой кромки берега, и тут незнакомка, ранее не обращавшая на меня никакого внимания, ходившая как маятник по побережью, словно ожидая спасенья со стороны горизонта, повернулась ко мне со словами:

– А Вы время не теряйте. Запишитесь в очередь, а потом ищите, кого потеряли. Все равно вам придется здесь пробыть не один день.

– Очередь! Какую? Где и куда? – никак не могла я понять суть сказанного.

Она показала в сторону берега. Повернувшись, повинуясь взмаху ее руки, неожиданно для себя я увидела узкий стеллаж.

Странно, его здесь раньше не было! Может, не заметила? Но почему же он похож на голографическую картинку, парящую над землей? – не успела я подумать, как опять услышала голос женщины:

– Надо записаться в альбом с буквой «G» на корешке. Запомнили? «Джели», а то не вернетесь домой, – громко и протяжно звучали ее слова за спиной, пока я подходила к указанной цели.

Только я протянула руку к альбому с нужной меткой,

как он сам раскрылся на незаконченной странице, и появилась очередная запись под № 156–160. После этого видение неожиданно исчезло. Заметив мое недоумевающее лицо, обращенное к своей советчице, она, опередив вопрос, коротко ответила:

– Радуйся, значит, тебе дана возможность попасть домой.

– Опять эта буква «G», как в лифте. Что означает «Джели»? Название этого места? – подумала я, но тут эта женщина радостно закричала:

– Появился!

Все вскочили со своих мест, одни толкая и тесня друг друга, выстраивались в очередь, другие спешно занимали освободившиеся «элитные» места на поддонах – самое сухое место у воды. К берегу причалил странный катер. Он был похож на ракету с блестящим корпусом голубого цвета на воздушных крыльях. Люди – очередники, около тридцати человек, по порядку вошли внутрь, и катер-ракета легко сорвался с места, быстро скрываясь от глаз провожающих, с завистью смотревшим им вслед.

* * *

Теперь я точно знала, что печальная участь заблудившихся в жизни или во времени постигла не только меня. Сопричастность помогла справиться с отчаянием и понять, что в жизни никто не застрахован от казусов – затруднительных

и необычных случаев, надо лишь верить, что из любого положения есть выход. Недаром гласит восточная мудрость: «Семь раз упал, восемь раз поднимись».

У меня появилась уверенность, когда я вспомнила запись в журнале на четыре места, что мы вернемся домой, и я обязательно найду мужа в оставшееся время. Даже если с ним случилась неприятность, я знала, как ему помочь, по опыту с Тобиком, который, кстати, неудержимо рвался с этого пляжа в сторону дороги, требуя следовать за ним.

Часть 3

Почувствовав на своей руке, свисающей с кровати, влажный шершавый язык собаки, которая, нетерпеливо повизгивая, лизала ее, я открыла глаза и услышала голос вошедшего в спальню мужа:

– Ну и заспалась ты. Пора вставать. Смотри, какое уже яркое солнце. Ну что, поедем сегодня на дачу или в Торговый Центр, про который ты вчера прожужжала нам все уши?

Наверно, я переспала, потому что никак не могла отойти ото сна. Накинув халат и выходя неуверенной походкой из спальни, ответила:

– Не, не хочу в Центр. Давайте поедем на дачу, а туда – когда-нибудь в следующий раз. Куда он денется? Мы вчера наговорились про него вволю, к тому же сейчас я сыта впечатлениями, – а сама, удерживая в памяти свои приключе-

ния во сне, подумала: «Над этим следует обязательно поразмышлять».

Путь Марии Магдалины

Пути-дороги. Какие они? Разные. У каждого своя дорога. Из каких-то побуждений человек ее выбирает. Возможно, им движет жажда познания либо зов души, да мало ли какие еще мотивы заставляют отправляться в путь.

Автобус вез двадцать пять паломников в село Костомарово Воронежской области. Некогда «дикое место», в наши дни ставшее популярным туристическим маршрутом благодаря афонским монахам, которые еще до XVII века обжили меловые холмы в Донском крае, видавшем на своем веку скифов, сарматов, аланов. По преданию, две тысячи лет назад там побывал апостол Андрей Первозванный, который повелел поставить на вершине одной из меловых гор каменный крест и основать пещерный монастырь. По сей день поражает воображение горный меловой храм, вход в который находится между двумя Дивами – выступами пород в виде больших столбов причудливой формы, созданных самой природой.

Вечером, к назначенному времени, около собора собирались паломники. В ожидании автобуса происходило первое знакомство. Как правило, в подобные поездки отправляются люди, которые в состоянии перенести некомфортные условия путешествия, бессонные ночи в автобусе. В груп-

пе выделялась по возрасту одна пожилая женщина – худенькая, маленькая, сутуловатая старушка с одним уцелевшим зубом, в шубейке и пуховом платке. Она вызывала у большинства смешанные чувства сочувствия и непонимания, зачем в столь преклонные годы обрекать себя на определенные лишения.

Однако не по годам активная бабушка быстро и непринужденно успела пообщаться почти с каждым, что-то спрашивая у одних и поясняя другим:

– Вы там были? Я давно хочу поехать в Костомарово. Спасибо знакомой из Таганрога. Это она узнала про маршрут из Ростова и помогла мне сюда добраться. Я же из Украины приехала.

Несмотря на тщедушный внешний вид, ее переполняла нерастраченная энергия, о чем свидетельствовал громкий голос. Вскоре отношение к ней изменилось, старушка могла за себя постоять:

– Послушай, как тебя зовут? – обратилась она к молодому парню из числа отъезжающих, когда началась посадка в автобус. – Сережа, а ну-ка помоги бабушке.

Март был на исходе, но весна где-то задержалась. Всю ночь автобус противостоял циклону с мокрым снегом, несшемуся с севера ему навстречу. Гонимые сильным ветром, набухшие крупные хлопья облепляли окна, скрывая ночную тьму. Никто не спал, напряженно и тревожно всматриваясь

вперед. Работающие дворники не успевали очищать лобовое стекло, по которому неотступно друг за другом лениво сползали огромные белые тяжелые снежные медузы, затрудняя водителю видимость. К утру снег, на радость пассажиров, прекратился и стих ветер. Новый день предвещал быть добрым, невзирая на пасмурное небо: во- первых, доехали, во-вторых, на голову ничего не сыпалось, и это уже хорошо.

Асфальтированная дорожка, извиваясь, вела паломников к новым строениям женского монастыря, находившегося в низине между холмами. На более высокой, можно сказать, гористой правосторонней части возвышался необычный комплекс из восьми уцелевших пещер и древнего пещерного храма.

Колокольный звон известил о начале утренней службы в новом храме монастыря. Среди царившего порядка и покоя, в котором обычно проходит храмовое песнопение, обращала на себя внимание прихожан Маргарита – старушка из Украины, как без фамильярностей представлялась она всем в группе при знакомстве. Она активно перемещалась по храму, быстро окидывая его взглядом, и, не обнаружив желаемого, подбежала к кому-то из служителей:

– А где тут у вас Самаритянка?

Потом она долго стояла в дальнем углу храма наедине с обретенной для себя иконой, в то время как все другие паломники традиционно, проявляя почтительность ко

всем иконам, спокойно обходили храм, рассматривая каждую. Служба подходила к завершению, и бабушка опять заторопилась, словно боялась не успеть посмотреть древние достопримечательности, постоянно спрашивая у руководителя группы:

– Когда же мы пойдем в пещеры?

Из храма вышла монахиня, направляясь к колокольне, чтобы оповестить перезвоном об окончании утренней службы. Бдительная старушка одна из первых быстро последовала за ней.

– Матушка, матушка, – останавливая на ходу служительницу, попросила, – помолись за Маргаритку, а?

Та в свою очередь посмотрела на бабушку с непониманием:

– А кто Маргаритка? Кто она Вам?

– Так это ж я! Я – Маргаритка, – хлопая ладонью себя по груди, выпалила на одном дыхании сгорбившаяся старушка, и словно спохватившись, видя удивление смотрящей на нее монахини, приближаясь и смотря снизу вверх, с жалобными нотками в голосе продолжила: – За Маргариту помолись. За меня. Помолишься обо мне, матушка, Богу?

– Хорошо, – сказала та и стала подниматься по ступенькам деревянной звонницы с пятью колоколами, расположенной у входа в храм.

Неподалеку резвились дети – внуки одной из паломниц, взявшей с собой школьников младших классов в дни весен-

них каникул. Мальчик и девочка со свойственным им интересом побежали смотреть, как совершается перезвон. Добрая молодая монахиня разрешила детворе подняться с ней на звонницу и дала веревку от самого маленького колокола, позволив управлять им по ее команде. Видя это, Маргарита, сорвавшись с места, подбежала, спотыкаясь, к звоннице с молодецким возгласом:

– И я, и я тоже хочу.

Люди, наблюдавшие за происходящим, заулыбались, и кто-то тихо произнес:

– Что стар, что мал.

Монахиня от неожиданности замешкалась, а потом, кивнув головой, разрешила и старушке поучаствовать, указывая на веревку от самого большого колокола с противоположного края. Сама же она оставила себе три ведущих средних колокола.

Но активную бабушку такая доля участия почему-то не устроила. Маргарита перехватила инициативу в свои руки и вместе с ней забрала у монахини еще одну веревку от ближайшего к ней колокола, чем второй раз сконфузила служительницу монастыря.

Необходимо было начинать перезвон, что монахиня и сделала, кивая в нужный момент направо старушке и налево детям, державшимся за одну веревку, которые оказались прилежными учениками не в пример умудренной жизненным опытом очень пожилой женщине.

Монахиня, наверно, уже каялась в душе, что допустила оплошность, взяв в помощники эту странную бабушку. Как она ни старалась, два самых больших сильных колокола, оказавшись в руках Маргариты, начали жить своей жизнью, громыхая не в такт перезвону и забивая голоса других колоколов. Монахиня-звонница делала попытки урезонить старушку, неоднократно придерживая ее руки, но поняв, что вошедшую в раж остановить не так просто, стала пытаться подстроить звучание своих средних колоколов к ритму первых двух басовых, одержимо пляшущих от рук старушки.

Уже все, выбежав из храма, заслышав необычную какофонию звуков, смотрели, как Маргарита повисла на колоколах с высоко поднятыми руками и била в них исступленно с неистовой силой, исходящей изнутри этой щуплой старушки. Словно грешная душа той молодой Маргаритки, которая была все еще активна в ней, трепыхалась на колокольных веревках, совершая удары колокола в необходимом для нее ритме, желая достучаться до Бога, испрашивая прощенья о содеянном.

Служительнице монастыря ничего не оставалось, как закончить перезвон раньше времени, уводя детей с площадки. Остановить бабушку у нее не получилось. Маргарита со вскинутыми вверх руками была не в состоянии быстро вернуться в реальность и все еще продолжала неистово дергать веревки.

Есть мнение, что колокольный звон оказывает воздей-

ствие не только на психику, но и на здоровье человека. Возможно, Маргарита таким образом исцеляла свою душу, как по преданию исцелил Иисус Христос Марию Магдалину от одержимости бесами.

Вскоре, опомнившись, старушка побежала догонять группу, уводимую гидом вверх от монастыря, на экскурсию в горный храм.

– А где тут пещера «Покаяния»? – запыхавшись, едва догнав неспешно шествующих, торопилась узнать Маргарита, приставая ко всем с вопросом.

– Не знаю. А Вы здесь уже были? – кто-то спросил в ответ у старушки.

– Нет, я в первый раз.

– А откуда Вы знаете, что такая пещера здесь есть? – полюбопытствовала одна из спутниц, пока они поднимались по ступенькам на гору к храму.

– Я знаю. Она должна здесь быть. Я ради нее сюда приехала с Украины, – неопределенно ответила Маргарита.

– В такой путь? Простите, а сколько Вам лет? – не сдержав любопытство, спросила женщина.

– Семьдесят два года, – ответила старушка.

Обе на минуту замолчали.

– Надо же, а дашь все восемьдесят с хвостиком, – подумала женщина, собеседница Маргариты, тяжело переводя дыхание от подъема наверх.

Худенькая старушка, без труда преодолевая ступеньку за

ступенькой, продолжала начатый разговор:

– Мне сказали, что надо ехать в Костомарово и попросить прощения в пещере «Покаяния».

– А кто сказал? – не понимая, дознавалась заинтригованная женщина.

– Тебя как зовут? – в свою очередь задала вопрос бабушка.

– Лида.

– Видишь ли, Лида, – Маргарита заговорщически приблизилась к женщине, стараясь дотянуться до уха, и, понизив голос, продолжала:

– Я смолоду была разбитной девкой. С ребятами бегала… Эх, да что там говорить. Когда сын родился, мне все равно покоя не было. Знаешь, а он у меня молодым умер. Ему 30-ти лет не было. Вот так-то. Эх, вся жизнь под откос! Тогда-то я в церковь впервые пошла. Все искала ответ: «За что мне такое?» Как-то недавно приехала в гости к своей знакомой в Таганроге. Пошли мы с ней в церковь. Был праздник и крестный ход. Батюшка раздавал иконы, кому нести. Выбрал он и меня. Подозвал и дал «Самаритянку». Я раньше такую икону не видела. Потом, когда я молилась в храме, услышала голос. Словно мне Бог сказал, что я – большая грешница, как Мария-Магдалина. Слышала про такую?

И не дожидаясь ответа от своей слушательницы, Маргаритка продолжала:

– Она ж, эта Мария-Магдалина беспутная, тоже была, пока Иисуса Христа не встретила. Раскаялась, и Он ей помог

другим человеком стать. Вот и мне велено сюда ехать и молиться в пещере Покаяния.

Закончив свой монолог, старушка, обгоняя Лиду, стала догонять экскурсовода. Когда группа паломников вошла в древний Спасский Собор, выстроенный в меловой горе афонскими монахами в византийском стиле с множеством арок и барельефов, Маргарита с присущим ей нетерпением, перебивая рассказ гида, опять принялась искать значимую икону «Самаритянка».

Что ее неудержимо влекло к ней? Возможно, предание о том, что Самаритянка иносказательно олицетворяет источник живой воды, испив которой, человек освобождается от прошлого груза и становится готовым начать новую жизнь.

Маргариту не очень интересовали другие пещеры горного комплекса. Она в них не задерживалась. Ее целью была пещера Покаяния, последняя из посещаемых, поэтому старушка в числе первых, не отставая, шла за экскурсоводом. Выносливости бабушки, как ее называли в группе, завидовали женщины много моложе ее, с трудом преодолевающие горную тропу.

Однако у входа в вожделенную пещеру Маргарита почему-то замешкалась, пропустив несколько человек вперед. Ей дали свечку, без которой нельзя было продолжать путь по темному меловому коридору. За несколько метров от входа в пещеру все остановились в ожидании своей очереди. Гово-

рят, некогда каждый бренный мог получить жизненно важный совет от святого старца-провидца, даже не исповедуясь, и сейчас стены его пещеры «слышат», поэтому туда спешат паломники. Время пребывания в пещере Покаяния каждый устанавливает себе сам. Процесс таинства исповеди проходил в полной тишине.

Когда в пещеру вошла Маргарита, неожиданно для всех своды коридора резонировали исходящие из глубины громкие стенания, разрывающие сердце. Они, словно прорвавшийся фонтан душевной боли, отчаяния и раскаяния плачущего грешника, выплескивались из пещеры, гулко прокатываясь под меловыми сводами, рассеивались на просторе за пределами горы. Рыдающий плач прекратился так же неожиданно, как и начался, а в наступившей тишине из темноты медленно выходила маленькая старушка, покидая место своего покаяния, сгорбившись больше обычного. Теперь ее походка была неуверенной. Она покачивалась из стороны в сторону, будто вместе с душевной болью через голос вышла из нее и вся сила. От предложенной помощи она отказалась. Посидев на лавочке у входа в пещеру, Маргарита молча стала спускаться с горы.

Опять начался дождь, чередующийся с мокрым снегом.

– Ну что, пойдем в автобус или полезем на гору Голгофа – последнее место, которое мы не видели? – поинтересовалась руководитель у членов группы после обеда.

Все за исключением нескольких раздумывающих поспе-

шили в теплый автобус укрыться от непогоды и обсушиться. Маргарита же молча, не обращая ни на кого внимания, стала подниматься на гору Голгофа. За ней последовали другие отважившиеся, увлекаемые целеустремленностью старушки. Лишь оказавшись на шатрообразной вершине высокого холма, где находилась часовня и могилка основателя пещерного монастыря святого старца инрохинока Петра, можно было увидеть следующую, самую высокую возвышенность, ту самую гору Голгофа с большим деревянным крестом. Маленькая группка людей, чтобы дальше не мерить грязь и без того промокшими ногами, решила закончить подъем, довольствуясь лицезрением креста, который был хорошо виден с этого места. Одна Маргарита, словно одержимая, неумолимо направилась наверх, к кресту, но вскоре, поскользнувшись, упала в грязь. Провожавшие ее взглядом, удивляясь ее упрямству, вынуждены были догнать старушку, чтобы оказать ей помощь и попытаться уговорить не подниматься выше. На что неумолимая бабушка коротко ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.